

№3
Март 2010

ТАССОВСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

ОАО Внешторгбанк, Генеральная лицензия Банка России №1000

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Иракий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани, Алена
Деняга, Нино Цитланидзе

№3 (54)
Март 2010

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ	ВЕЛИКАЯ МИССИЯ	4
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ТАНИТ, ДОЧЬ ТИЦИАНА	8
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	ИХ ОБЪЕДИНИЛА ПЕСНЯ	11
НОСТАЛЬГИЯ	Я ТОСКУЮ ПО ТБИЛИСИ	12
ФЕСТИВАЛЬ	«ОБМОРОК, ПРИВОДЯЩИЙ В ЧУВСТВО...»	14
	АРКАДИЯ, ТОЧКА ОТСЧЕТА	18
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ	20
ГОД УЧИТЕЛЯ	УЧИТЕЛЬ + ШКОЛА =СУДЬБА	23
ЮБИЛЕЙ	ЩЕДРЫЙ ТАЛАНТ	27
О,СПОРТ!	ВОТ ПРИШЕЛ ВОЛШЕБНИК	30
ЗНАЙ НАШИХ!	КАК РАСКРУТИТЬ МАГИЮ ТЕАТРА	34
ПРИЗНАНИЕ	«НАША ДИНАСТИЯ ОПРАВДАЛА СЕБЯ»	38
РУССКИЙ МИР	РУССКИЙ ВОДЕВИЛЬ В СТРАНЕ ТАНГО	42
ШЕДЕВР	ДВОРЕЦ ИСКУССТВА	44
ИСТОРИЯ	СЛУЖИТЕЛЬ ХРАМА ПРИРОДЫ	48
ПАМЯТЬ	НЕЗАМЕНИМЫЙ ЧЕЛОВЕК	51
ПРОЩАНИЕ	И ВСЕ КАК БУДТО НА ВЕКА	54

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Важа Азарашвили, Нани Брегвадзе, Гуджа Бубутеишвили, Гоги Кавтарадзе, Гига Лордкипанидзе, Отар Мегвинетушцеси, Роин Метрели, Ирина Сохадзе, Гулбат Горадзе, Джансуг Чарквиани (*Грузия*); Михаил Багдасаров (*Армения*); Валентина Поликанова (*Белоруссия*); князь Никита Лобанов-Ростовский (*Великобритания*); Олег Воловик (*Венгрия*); Давид Маркш (*Израиль*); Михаил Носов, Евгений Табачников, Татьяна Шах-Азизова, Александр Эбаноидзе (*Россия*); Алексей Цветков (*США*).

На обложке - Паате Бурчуладзе - 55

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

ВЕЛИКАЯ МИССИЯ

юбилей. Людям свойственно отмечать юбилеи, устраивать торжества, вспоминать – это тоже необходимо. Только есть одно «но»... Искусство балета, как и театральное искусство в целом, связано с определенными отрезками времени – жизнью на сцене. Мы имеем возможность перечитывать Гомера и Данте, наслаждаться творениями мастеров изобразительного искусства, но место театрального представления – сцена. Должна существовать хотя бы запись. Мне могут возразить: такие артисты как Чабукиани рождаются раз в столетие, а когда он танцевал, такой техники не было, хорошо, что киноплёнка сохранила для нас «Лауренсию», «Синатле», «Отелло» и некоторые фрагменты других спектаклей... Согласна, абсолютно согласна. «Чародей танца», «легендарный Вахтанг», «горный орел», «головокружительные гастроли» за рубежом, - множество эпитетов, но ни один из них не может выразить тот эмоциональный всплеск, то состояние души, которое вызывало появление на сцене Вахтанга Чабукиани. В 1957 году в Тбилиси состоялась премьера балета «Отелло». Память хранит, как запечатленный кадр, проспект Руставели, заполненный огромным количеством людей, мечтавших попасть на спектакль или хотя бы издали увидеть Вахтанга, выходящего из театра после представления. Море цветов, конная милиция... Удивительная энергетика, наполнявшая сцену и зал, передавалась и артистам, и зрителям, более того, она «работала» даже тогда, когда сам Вахтанг Михайлович не танцевал, а просто находился в зале, наблюдая за выступлением своих учеников. Даже сейчас невозможно спокойно пройти мимо его кресла – первого от прохода, с левой стороны, в верхнем ряду амфитеатра...

Но творчество Чабукиани не ограничивалось выступлениями на сцене. Созданные им балетные спектакли, начиная от «Сердца гор» Баланчивадзе, первого национального балета, и первого балета с героической тематикой, «Лауренсии» Крейна, вплоть до шекспировского «Гамлета» Габичвадзе - это ведь неоценимая сокровищница мировой хореографии, не говоря уже о нашей родной, грузинской. Проходят годы, уходят из жизни друзья и соратники Вахтанга Михайловича, и надо торопиться восстановить и зафиксировать уникальные балетмейстерские работы Чабукиани – «Горда» и «Демон», «Болеро» и «Шопениана», «Торкватто Тассо» и «Рапсодия в стиле блюз», «Навстречу жизни» и «Амазонки», «Рассвет» и «Аппассионата», «Золушка» и «Баядерка», «Приглашение к танцу», множество танцевальных номеров и хореографических миниатюр, наконец, «Гамлет».

«Сердце гор» (1936-1938) - первый балет, положивший начало грузинскому национальному классическому балету и хореографической реформе, начатой Чабукиани за несколько лет до этой постановки, увидел свет не на родной сцене Тбилисского театра оперы и балета, а два года спустя в Ленинграде. Последняя постановка, осуществленная Чабукиани на тбилисской сцене – шекспировский «Гамлет» (1971) - получила неожиданную, но, видимо, хорошо подготовленную развязку - великого хореографа приказом министра культуры просто «сняли с работы». В истории это не ново – вспомним Петипа, Марджанишвили, Ахметели... Но это было только начало «славных дней» правления первого секретаря ЦК компартии Грузии. Затем последовал позорный процесс по делу

Вахтанг Чабукиани. Концертный номер

О великих людях писать трудно. О многом сказано, многое затеряно в памяти современников. Судьба этих людей часто наполнена звездными взлетами и в то же время трагична. Их наследие требует серьезных исследований, а перечень работ, достижений, открытий, хотя и вызывает искреннее восхищение, всегда ничтожно мал в сравнении с творческим взрывом, который они несут в жизнь...

Вахтанг Чабукиани – из числа таких людей. 27 февраля – день его рождения, в этом году столетний

о поджоге оперного театра, когда задержанным показывали поддельный газетный некролог Чабукиани и предлагали все валить на него, когда пытались выбить показания. Слава богу, эти люди не потеряли своего человеческого достоинства, так же, как и те, кто не отвернулся от Чабукиани после его отстранения от работы. Было и постоянное преследование – куда бы ни ехал Вахтанг Михайлович, «на хвосте» постоянно ока-

зывалась машина гэбешников. В один из таких дней, когда Чабукиани находился на грани нервного срыва, его буквально спасла выдающаяся балерина, партнерша почти по всем балетам, Вера Цигнадзе, которая села за руль машины. Они поднялись к нам домой (мои родители - литератор и критик Георгий Маргвелашвили и театровед Этери Думбадзе, были связаны с Вахтангом Чабукиани многолетней дружбой и сотрудничеством). Папа был на работе, мама бросилась успокаивать Веру Цигнадзе. Я осталась одна с Вахтангом Михайловичем. По его щеке стекла слеза. Никогда не забуду его слов: «Что они от меня хотят, деточка? Я уже состарился, но могу работать. Я всю жизнь только работал, создавал грузинский балет. Я выполнял свое предназначение. Я не могу не делать свое дело – тогда жизнь теряет смысл».

Благодаря моим родителям я с раннего детства оку- нулась в мир балета – мир Вахтанга Чабукиани. Мы не пропускали ни одного спектакля с его участием. Каждое его выступление, каждое движение, будь то сложней- шая танцевальная комбинация, поворот головы или жест неповторимы, незабываемы. Вахтанг Чабукиани принадлежит к числу тех великих артистов, которым

достаточно было только появиться на сцене, чтоб у зрителя перехватило дыхание. Но главным для Чабукиани было создать образ, донести «сквоз- ное действие» мысли, выраженной богатейшей хореографией. Балетная техника, требующая от танцовщика изнуритель- ных каждодневных за- нятий до седьмого пота, во время выступления отходила на второй план, и зритель целиком по- гружался в чабукианиев- ский мир, где на языке танца, языке уникальных хореографических ком- позиций говорили герои балетной классики, герои национальных балетов и шекспировской траге- дии.

В. Чабукиани и В. Цигнадзе («Лауренсия»)

В. Чабукиани и Г. Уланова

Фрондосо («Лауренсия»)

Понятно, что ар- тиста такого масштаба не удовлетворяла тра- диция, устоявшаяся в классическом балете к началу двадцатого века – второстепенная роль кавалера, партнера при- ма-балерины. Чабукиани пошел дальше пласти- ческих исканий Фокина и полностью преобразил классический репертуар, заново осмыслив и хо- реографически обогатив мужские партии, что по- ложило начало новому

этапу в развитии мирового балета. Но балетная реформа Чабукиани, начатая еще в Ленинграде и продолженная на тбилисской сцене, не сводилась только к проблеме мужского танца. С решением этой проблемы неразрывно было связано утверждение в балетном спектакле народно-героического начала. Это привело еще к одному новаторскому результату – впервые в истории балета кордебалет стал играть не дивертисментную

*В. Чабукиани и Т. Вечеслова.
«Хореографический дуэт»*

роль, а был вовлечен наравне с солистами в драматургию хореографии. Нельзя не сказать еще об одной уникальной особенности балетмейстерского творчества Чабукиани. Он не только создал редкий по разнообразию и богатству национальной балетный репертуар, но был также инициатором и вдохновителем композиторского творчества. Большинство его новых балетов было сочинено не на уже существующую музыку, а одновременно с этой музыкой, которая создавалась в постоянном сотрудничестве с автором балета, как музыкальное претворение хореографической идеи и даже танцевальной партитуры. Талант и мастерство композитора проявлялись именно в решении этой сложнейшей творческой задачи. В таком содружестве с хореографом создавались «Сердце гор» Балачивадзе, «Лауренсия» Крейна, «Синатле» Киладзе, «Горда» и «За мир» Торадзе, «Отелло» Мачавариани, «Демон» Цинцадзе, «Рассвет» Глonti, «Гамлет» Габичвадзе. В отличие от творческого метода Чабукиани другой великий балетмейстер Джордж Баланчин (Балачивадзе), работал над хореографической интерпретацией музыкальных произведений. Двое великих сыновей Грузии, один – у себя на родине, другой – в далекой Америке, определили как бы два полюса в развитии мирового балетного искусства.

Осуществление балетмейстером органического синтеза классического и национального танца в таких балетах как «Сердце гор» и «Лауренсия», а позже «Синатле» и «Горда» положило начало созданию грузинской балетной школы. И сегодня ученики Вахтанга Чабукиани – выпускники Тбилисского хореографического училища – достойно представляют грузинскую балетную школу на многих балетных сценах мира.

Строгий, требовательный учитель Вахтанг Чабукиани не прощал одного – безделья и безответственности по

отношению к своей работе. Сколько было разговоров про его «колючий» взгляд, так утравивший многих. Но я помню и совсем другие глаза Вахтанга Михайловича. Наивно-радостные, когда он выигрывал партию домино или когда садился к столу отведать свежее испеченный кекс, запивая его лимонадом. Какой нежностью и каким состраданием светились его глаза, когда он подкармливал своих подопечных – «братьев наших меньших». Какая глубина была в его взгляде, когда он говорил о деле своей жизни, о своей миссии, которую осознал еще в детстве, о своем детище – грузинском балете...

Героико-романтическая тема преобладала в творчестве Вахтанга Чабукиани вплоть до появления в ноябре 1957 года балета «Отелло». Обращение к трагедии Шекспира не было для балетмейстера случайным и открывало вместе с тем возможность новых творческих свершений. Противостояние добра и зла, борьба двух начал – тема эта звучала и в ранних его произведениях, но именно в балете Мачавариани обрела глубину философского обобщения, сделал закономерным появление последующих работ Чабукиани – от «Демона» и «Торкватто Тассо» до «Гамлета». Ключом к прочтению балетмейстерского замысла могут стать слова самого балетмейстера, опубликованные в свое время в журнале «Литературная Грузия»: «Весь Шекспир для меня – в его неутомимой жажде идеальной, гармоничной, счастливой человеческой природы и в его неистовом неприятии всего, что мешает осуществиться этому идеалу. Для меня шекспировская трагедия – это смертельная схватка добра и зла, счастья и горя, радости и беды, ликования и гнева, высокая, очищающая, обновляющая трагедия человечности, вынужденной принять вызов бесчеловечного зла. Вот что я хотел воплотить в спектакле «Отелло», вот что меня породило с «Гамлетом», которого я стал вынашивать в себе вместе с «Отелло» и которым я сейчас полностью поглощен».

Замысел «Гамлета», как мы видим, возник у Чабукиани примерно в то же время, что и «Отелло». Осуществление его отодвинулось на четырнадцать лет – премьера «Гамлета» Габичвадзе состоялась в мае 1971 года. Балеты, созданные Чабукиани за промежуток времени между «Отелло» и «Гамлетом», такие как «Демон» Цинцадзе, «Поэма-балет» («Навстречу жизни», «Торкватто Тассо» и «Амазонки», поставленные на музыку Листа и «В поисках счастья» – на музыку «Рапсодии в стиле блюз» Гершвина), «Болеро» Равеля, «Рассвет» Глonti, выстраиваются в один логический ряд на пути от одной шекспировской трагедии к воплощению другой. Хотя уже в 1964 году Чабукиани говорил по поводу «Гамлета», что «общий хореографический замысел давно созрел, готовы либретто и режиссерская экспликация», разница в трактовке двух великих трагедий Шекспира, в самом подходе к литературному первоисточнику, очевидна. В основе любого сценического действия (а можно брать и шире – любого действия, развивающегося, протекающего во времени) лежит драматургический принцип с его тремя узлами, придающими системе, так сказать «жесткость треугольника», а сценическому произведению – цельность формы и завершенность. Причем это в равной степени относится как к произведениям с литературной основой, так и к бессюжетным. Задача, которую ставит перед собой балетмейстер, выбравший для воплощения языком танца литературное произведение, достаточно сложна. Это и авторская концепция произведения, и выбор драматургических узлов

с учетом специфики самого жанра, раскрытие образов, их эволюция и, наконец, собственно хореографическая партитура. Особенно важно соотношение образов вербальных и танцевальных. Попытка просто «пересказать» тот или иной диалог, ту или иную сцену может не оправдать себя и примеров подобных решений множество. Именно такой подход и привел к появлению в конце 50-х годов крайностей хореодрамы, т. н. «драмбалета». С другой стороны, одна небольшая фраза, реплика, «резонирующая» со спецификой балетного жанра, может подтолкнуть хореографа к созданию развернутого танцевального эпизода, сцены, монолога.

Чабукиани сумел найти созвучное времени и эволюции жанра единственно верное решение, осуществляя «перевод» на язык танца «Отелло», а затем «Гамлета». Решая сценическую драматургию «Гамлета», Чабукиани строит ее на контрасте, противопоставлении, показывая «предисторию» Принца датского до начала трагедии. Дух беззаботного веселья, высокой любви, гармонии и просветления пронизывает первое появление Гамлета с друзьями, лирическое адажио Гертруды с отцом Гамлета, дуэт принца с Офелией. Но уже в этикетном танце настораживающая пластика движений Клавдия дает возможность предугадать ход событий. Объединение некоторых эпизодов трагедии дает особую силу концентрации действия и динамики спектакля в целом. В других случаях из нескольких слов персонажа вырастает полная философской значимости сцена. Так, в действие выливается рассказ Офелии о встрече с принцем и рассказ Гертруды о гибели Офелии. Выделение и разработка сюжетной линии (отец Гамлета – Гертруда – Клавдий) усиливает психологическую напряженность противостояния, дает возможность контрастнее и четче нарисовать образ тиранической личности Клавдия. Одна из режиссерских находок Чабукиани в этом балете – «немая», почти без музыки сцена. Это мысли Клавдия. Фигуры движутся в полной тишине. Выпад шпаги Гамлета в сторону Клавдия – первый короткий аккорд разрывает молчание. И как ответ, мысль: нет, быть по моему – принцу подносят отравленную чашу. Второй аккорд – Гамлет резко отклоняется назад, почти падает. Вновь тишина, фигуры удаляются. Включается оркестр, вихрь танца – зловещее ликование от задуманного злодея. Лейтмотив партии Клавдия – стремительное вращение на присогнутых коленях, с опущенным корпусом, вращение, в процессе которого откуда-то снизу вырастает фигура и застывает в утрированно надломленной позе. Но и в сочувственном жесте, и в ехидном пританцовывании ног, когда лицо прикрито маской скорби в сцене погребения отца Гамлета, и даже во время молитвы, когда мечущийся Клавдий как бы хочет брезгливо откинуть от себя свои преступные руки – во всем низость, грязь и вместе с тем какая-то дьявольская сила распираемой внутренним злом природы. Так пластическо-хореографическое решение определяет образ, подтверждая слова Гамлета: «...можно улыбаться, улыбаться и быть мерзавцем». Единственное противопоставление жестокости безграничного самовластья – мыслящий Гамлет. Вначале его искренняя радость выражена в динамичном непрерывающемся танце. Но, когда «порвалась дней связующая нить», движения Гамлета цепенеют. Медленные повороты в позах и продвижения по сцене выражают недоумение души и горькие раздумья. И, как взрывы гнева и боли, возникают вариации Гамлета и дуэты-диалоги с Гертрудой, постро-

енные на сложнейшей танцевальной технике...

Многое сказано, многое еще можно сказать о балет-мастерских находках Чабукиани. Но главная задача, пока еще не поздно, сохранить уникальное хореографическое наследие.

Трагедия человечности... Тема творчества, о которой говорил Вахтанг Чабукиани, оказалась на склоне лет темой жизни. Остался неосуществленным «Фауст». Сохранилось только записанное Этери Думбадзе либретто, свидетельствующее о глубине видения и проникновения в философию гениальной драмы Гете. Остались неосуществленными и другие замыслы. Во время одной из моих встреч с Вахтангом Михайловичем на его цхнетской даче, великий мастер сказал мне о том, что он вынашивал в душе: «Несмотря ни на что, я надеюсь поставить «Фауста». А потом, как передышка, будет один балет – трехактный. В первом акте я отдаю дань романтическому балету – что-то вроде подводного царства с ундинами, сифидами, сказочными существами. Второй акт – балет в стиле модерн. Сцену я вижу покрытой зеленым сукном, как игорный стол в казино. Соответственно и персонажи. Жизнь – игра... Понимаете...» - горькая улыбка-усмешка появилась на его лице

Памятник В. Чабукиани в Пантеоне. Тбилиси

– «Третий акт – апофеоз классики... Вы понимаете – вся хореография у меня готова. Все комбинации, прыжки, пируэты сами приходят и наполняют меня. Главное – выстроить спектакль, чтобы он что-то говорил людям, вел к добру, к гармонии. А потом... Это может показаться дерзким намерением... Но это меня волнует... Потом, под конец, я хочу обратиться к «Евангелию»... Я это вижу...»

Александра МАРГВЕЛАШВИЛИ

Эти имена украшают историю грузинской культуры. Без них немислимо ни прошлое, ни настоящее, ни тем более будущее. Они – неотъемлемая часть Грузии и грузинской литературы. Я имела счастье вдохнуть глоток таланта, доброты, благородства, окружающих по сей день семью Табидзе. Родившаяся в 1939 году, к несчастью, я не могла видеть и знать великого поэта, раздавленного в расцвете сил, как и многие его друзья и ровесники, кровавыми колесами сталинских репрессий. Но задолго до реабилитации наше поколение знало наизусть стихи Тициана. А уже в 1958 году Бесо Жгенти, читая нам, студентам-переводчикам московского Литературного института имени Горького курс грузинской литературы XX века, подробно рассказывал о трагической судьбе и творчестве основоположника грузинского символизма, поднявшего родную поэзию на высший европейский уровень. На мое счастье, семинаром по художественному переводу с 1958 по 1963 годы руководила ближайшая подруга семьи Табидзе Фатма Антоновна Твалтвадзе. Она не только раскрывала перед своими студентами глубины творчества Тициана, но и познакомила нас с его женой Ниной Александровной Табидзе, с его дочерью Нитой (Танит), внуками Ниночкой и Гиви. Это был настоящий подарок судьбы. Приезжая в Москву и останавливаясь в семье Бориса Пастернака, Нина Александровна охотно откликалась на предложения выступить перед студентами Литинститута и рассказывала о живых и погибших своих друзьях, составляющих цвет грузинской и русской культуры. Впоследствии ее драгоценные воспоминания сложились в уникальную книгу «Радуга на рассвете», вышедшую в тбилисском издательстве «Мерани».

Нина Александровна всегда приходила с очаровательной внучкой Ниночкой, очень похожей на свою маму Ниту и соответственно на дедушку Тициана. Рассказы верной и преданной спутницы поэта отличались талантом, искренностью, бесконечной любовью к людям. Перед слушателями словно оживали образы Паоло Яшвили, Валериана Гаприндашвили, Константина Бальмонта, Осипа Мандельштама, Егише Чаренца, Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Андрея Белого и, естественно, Бориса Пастернака. Эти портреты на фоне эпохи являются бесценными свидетельствами времени. Правдой дышало каждое слово о безвремен-

ТАНИТ, ДОЧЬ ТИЦИАНА

но погибших талантах, загубленных античеловеческим режимом. С необычайным теплом и любовью Нина Александровна вспоминала о Сергее Есенине. Есенин сразу влюбился в Грузию, в «голуборожцев», собирался переводить Важа Пшавелу, подружился не только с Ниной Александровной, которую в день получения долгожданного гонорара в «Заре Востока» осыпал белыми и желтыми хризантемами, не только с ее мамой, которую умолял сварить настоящий русский борщ с гречневой кашей, но и с маленькой Нитой, которая, впервые увидев золотоволосого Есенина, всплеснув ручонками, воскликнула: «Окрос пули!» (Золотая денежка). С тех пор в доме Тициана так и называли русского друга.

Дом Тициана и Нины Табидзе, где росла Нита, был родным домом для многих выдающихся поэтов и писателей. Эта тема прекрасно раскрыта в книге известного литературоведа Галины Цуриковой. Когда Тициана не стало, Борис Пастернак сказал, что теперь его семья

выросла на два человека, имея в виду вдову и дочь погибшего друга. Работая в Литературном архиве Грузии, я обнаружила два уникальных документа. Целая кипа почтовых квиточков свидетельствовала о том, что Борис Леонидович, никак не афишируя свою щедрость, посылал осиротевшим женщинам половину каждого своего гонорара. И второе – письма Пастернака к Нине Александровне, содержащие стихи из романа «Доктор Живаго», над которым он тогда работал. Я полагаю, что вдова Тициана была первой читательницей этих, теперь известных всему миру, шедевров. Может быть, строки из писем, написанные характерным, летящим почерком великого поэта, являются самыми ранними оригиналами, известными со времени создания романа.

Евгений Борисович Пастернак, опубликовавший письма отца к Нине Табидзе в 1966 году, подчеркивает, что она была одной из первых читательниц романа, отмеченного Нобелевской премией. Роман был опубликован за рубежом, началась травля, бесстыдное глумление, отвернулись бывшие «друзья», перестали заглядывать на огонек соседи. Но Нина Александровна и Нита – рядом. Они ничего не боялись. Даже нас, студентов Литинститута, заставляли выйти к Союзу писателей с плакатами: «Позор иуде Пастернаку», «Пастернак, вон из России», но ни один из грузинской группы в этом безобразном шествии участия не принимал.

Там же Евгений Борисович цитирует Нину Александровну: «Как-то уже незадолго до смерти, Борис вдруг сказал, что Зина и я за последнее время очень изменились и ему больно смотреть на нас. Тогда на следующий день, чтобы его подбодрить, узнав, что у него немного прибавилось гемоглобина в крови, я подкрасила губы и, войдя к нему, сказала с улыбкой: «Вам лучше, и мы с Зиной тоже выглядим лучше!» Борис Леонидович посмотрел на меня, покачал головой и ответил: «Нет, Ниночка, мне очень худо и вам не лучше». На другой день его не стало».

Мне кажется, что присутствие Нины Табидзе при уходе старинного друга из жизни – знак вечности и неразрывности их отношений с Тицианом.

На похоронах Нины Александровны самой молодой «голубороговец», к тому времени уже пожилой академик, выдающийся поэт и прозаик Георгий Леонидзе произнес проникновенную речь. Приведу здесь хотя бы фрагмент этого выступления. «Ты и вправду историческая женщина - ты, воспитательница наших молодых писателей, ты, спутница и соратница поэтов, проповедников нового слова, ты, разделившая с Тицианом и его жизнь, и его жертву. Какую тяжесть вынесли твои слабые плечи, сколько горя ты испытала, когда судьба обрушила на тебя несчастье, слезы и пепел... Ты была опорой Тициана Табидзе, поэта, который привнес в грузинскую поэзию новую остроту и без которого поэзия наша не мыслит себя. Мы не знаем, где лежит Тициан, но его последним отечеством была дидубийская земля, - и поэтому ты нисходишь в эту землю вместо Тициана, и в этой безвременной вырытой могиле отныне для нас соединяются двое - Нино и Тициан.

Я трижды рожден на свет.

И трижды крещен водой.

И ты, одиночка-смерть,

Что можешь сделать со мной?»

Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что сейчас самое время для возникновения таких литературных объединений, какими были «Голубые роги». Тициан и

его друзья в совсем нелегкие для Грузии времена сумели сплотить талантливых молодых писателей и сделали настоящий культурный прорыв, плоды которого питали грузинскую литературу после их гибели на протяжении всего XX века.

Личная судьба Ниты Табидзе это в известной степени результат прочной связи эпох, тем более, что она могла видеть Маяковского или Андрея Белого, а значительно позднее общалась с русскими шестидесятниками – Ахмадулиной, Евтушенко, Леоновичем и другими. В детстве, сидя на коленях у Ованеса Туманяна и грузинских классиков первой трети XX века, через несколько десятилетий она общалась с представителями «новой волны» литературы Грузии – Чабуа Амирэджоби, братьями Чиладзе, Гией Маргвелашвили и многими, многими другими.

Нита Табидзе не только дочь Тициана и Нины, но она еще и праправнучка отца грузинского народа Ильи Чавчавадзе, убитого не без участия большевиков в 1907 году. История, увы, повторяется – через три десятка лет будет убит Тициан. Дедушка Ниты Александр Макашвили, выдающийся общественный деятель, был отправлен Илей Чавчавадзе в Петербург, где он окончил юридический факультет, затем оказался в Париже, где встречался с Виктором Гюго и другими французскими писателями. А ее мама Нина Александровна в доме Ильи Чавчавадзе встречалась с Александром Дюма во время его путешествия по Грузии. Дюма был веселый, остроумный, обожающий детей человек, одаривавший их игрушками и конфетами. Там же маленькая Нина видела и Важа Пшавелу. «Я думаю иногда - вспоминала Нина Табидзе, - что в тот вечер Илья и Важа благосло-

Нита Табидзе

вили меня на то, чтобы потом я всю жизнь прожила с поэтами».

Всю жизнь прожила с поэтами и сама Нита. Ее дом был открыт для всех, кто искал понимания и дружбы. Самые знаменитые писатели-шестидесятники и их прославленные предшественники (Антокольский, Тарковский, Тихонов), приезжая в Тбилиси, первым делом посещали семью Табидзе-Андриадзе. Многие подолгу

жили в этом гостеприимном доме. Все помнят хозяйку, удивительно похожую на отца взглядом и улыбкой, готовую обласкать каждого, кто переступал порог ее скромной квартиры. Она дружила не только с писателями, деятелями культуры Грузии разных поколений, но и до конца жизни хранила верность семье Бориса Пастернака, приняв ее навечно в свое щедрое любящее сердце. Москвичи и ленинградцы (сегодняшние петербуржцы), оказавшись в Тбилиси, непременно становились гостями Ниты. Обладая безошибочным поэтическим слухом, она с интересом воспринимала новые стихи и переводы, была тонким знатоком и ценителем поэзии, а главное, любила всех, кто любил Грузию.

Когда-то Ираклий Андроников сказал, что Тициан был одержим пафосом дружбы. Нита в полной мере унаследовала этот уникальный дар. Немудрено, ведь такой же была и ее мать. Есть все основания утверждать, что сегодня ее любимые дети Гивико и Ниночка, несмотря на труднейшие времена, продолжают эту семейную традицию и тому же самому учат своих детей. Я вижу определенную закономерность в том, что Ниночка вышла замуж за сына моего дорогого друга Гурама Асатиани, блестящего критика и блестящего человека, редактора «Литературной Грузии», ученого, филолога, безвременно ушедшего из жизни. И сегодня семья Табидзе ухаживает за вдовой Гурама красавицей Мананой Асатиани. А сама Манана – дочь крупнейшего литературоведа Геронтия Кикодзе, а Гурам – сын Левана Асатиани, и так далее. В этой неразрывной цепочке я вижу надежность

и бесконечность культурных традиций, столь важных для Грузии во все века. Невозможно себе представить, чтобы сын Ниты Гиви Андриадзе, приехав в Москву, не посетил в Переделкине Наташу Пастернак. Я думаю, что крепость человеческих отношений куда важнее пустопорожних дипломатических переговоров, в конечном итоге, только разжигающих межнациональную рознь.

Нита была истинным послом Грузии в России, являла собой прекрасный образ родного народа. Противостоять ее духовности и обаянию было невозможно, за ней стояла история, целые поколения настоящих политических и общественных деятелей,

поэтов и мыслителей, интеллигентов самой высшей пробы, патриотов, заплативших за любовь к Родине собственной жизнью. Эти люди никогда не уклонялись от того пути, который сами для себя выбирали. Они шли вперед до конца и только смерть могла их остановить. Наверное, хорошо иметь сильную армию, но мне кажется единение людей, подобных роду Табидзе, принесло бы больше пользы и лучше бы охраняло родную землю, чем самое современное оружие. Разрушать и убивать несложно, труднее любить и созидать, но именно в этом промысел Божий и цель развития человечества.

Таков был принцип жизни Ниты Табидзе, вобравшей в себя лучшие черты своего народа и унаследовавшей от предков необходимые для цивилизованной жизни качества. Когда я думаю о будущем Грузии, передо мной встают прекрасные глаза моих друзей, живых и ушедших, и среди них одна из первых – Нита. Нам нужна именно такая и только такая Грузия, бескорыстная, честная, открытая всему человечеству, образованная, излучающая любовь. Всей своей собственной жизнью, а также судьбой матери и великого отца, судьбами бабушек, дедушек и далеких предков она заслужила право быть примером для подражания, на котором нужно учить молодых людей, как им жить, как относиться к людям, как дружить, во что верить, как воспитывать детей. Это – истинно грузинский характер без всякой примеси национализма, взращенный нашей великой литературой, традициями, обычаями, принципами, в этом наша сила, в этом наша надежда на будущее, потому что я все равно вижу мою Родину, которую никто у меня отнять не может, как огромную семью, такой святой дом Тициана Табидзе, осененный благодатью Святой Нины, Господа Бога нашего и Богородицы, с куполами древнейших церквей в сопровождении уникального многоголосия, дом, где все любят друг друга, где всегда ждут друзей, где даже смерть не страшна. Я вижу ледяные вершины, высокие горы, синее, как глаза Тициана, море, зеленые луга, покрытые яркими цветами, неувядающими, как алая гвоздика в его петлице, виноградники Кахетии, сады Самачабло, людей, зверей и птиц, как на картинах Пиросмани.

Моя учительница Фатма Антоновна Твалтвадзе умирала на руках у Ниты. Я пришла в больницу, где Нита дневала и ночевала, и мы втроем вспоминали прошлое. Фатма Антоновна рассказывала о своем сне. Ей приснилось ночью, что она умерла и на том свете встретила с Тицианом и Паоло, и она сказала им: «Боже мой, вы такие молодые, а что же делать мне, такой старой!» - «Ну что ты, Фатюша, - отвечали они, - ты всегда у нас молодая и красивая». Я улетела, а через несколько дней получила от Ниты телеграмму, что тети Фати уже нет.

С Нитой я встречалась много, много раз и в Тбилиси, и в Москве, и в Переделкине. Несмотря на ее застенчивость, абсолютную открытость, скромность для меня это всегда было напряженное и волнительное событие, ведь я понимала - происходит что-то очень важное. С ней можно было говорить обо всем, о простых и высоких материях, о детях, о друзьях, о спектаклях Робико Стуруа, о Резо Габриадзе и Гии Данелия, о русском искусстве. Она знала и понимала все, никогда никого не осуждала, умела прощать и только прощать, была в полной гармонии с миром и людьми. Вопреки всему... Это особый талант, который мне больше в жизни не встречался.

Все, кто знал Ниту, наверное, помнят ее любимое прислобие «мама». Она строила фразу примерно так: «Наконец мы с тобой встретились, мама. Как твои дети? Мама, я очень хотела бы их видеть». Понятно, что она не называла собеседника мамой – это было эхо ее любви к отцу (по-грузински «мама»), а говорящие по-русски думали, что это мать. Эта подсознательная переключка – память о самых дорогих для человека людях – всегo-навсего несмолкаемый голос любви, который я слышу по сей день и который помогает мне жить.

Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

ИХ ОБЪЕДИНИЛА ПЕСНЯ

Открытие II Международного фестиваля российских соотечественников зарубежья «Русская песня» состоялось в киноконцертном зале «Измайловский». В этом году фестиваль посвящен 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Участниками его стали более 500 соотечественников из 54 стран мира.

Фестиваль открыли первый заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы Л.Швецова и председатель президиума Международного Совета российских соотечественников граф П.Шереметев. Швецова зачитала приветствие мэра Москвы Ю.Лужкова участникам фестиваля, отметившего особую важность самостоятельного творчества российских соотечественников для сохранения и развития русской культуры за рубежом, для укрепления связей соотечественников с исторической родиной. Она подчеркнула огромную роль, которую играла русская песня на протяжении всей истории нашего государства, даже в самые тяжелые периоды его истории, как это было во время Великой Отечественной войны.

Председатель президиума МСРС граф Шереметев поблагодарил мэра Москвы, почетного председателя МСРС Ю.Лужкова и правительство Москвы за неоценимую помощь в организации фестиваля и рассказал, какое важное значение для русской эмиграции, особенно ее первой волны, имели русская песня, музыкальное творчество в деле сохранения в российской диаспоре чувства единства и сопричастности родине.

Состоялся праздничный концерт мастеров искусств. Участники и гости горячо приветствовали прекрасные выступления хора им.Пятницкого, хора Турецкого, других известных исполнителей, юношеских и детских коллективов.

В течение трех дней участники фестиваля выступили перед москвичами на десяти концертных площадках. Их оценивали члены жюри, известные деятели искусств, представители правительства Москвы и МСРС. Лучшие концертные номера были включены в программу финального концерта.

Одной из ярких на фестивале была программа грузинской делегации. Наши выступления прошли во Дворце культуры «Москвич» и Доме русского зарубежья им.А.Солженицына. Совместно с группами Дании, Швеции, Италии, Польши, Чехии, Болгарии и Белоруссии.

Грузинская программа состояла из выступлений фольклорного ансамбля духоворцов Дманисского района «Зори», барда Эллины Урумовой, классического вокала Натальи Богдановой (под аккомпанемент Кетеван Гелашвили) и песен военной поры в исполнении Ксении Захаровой-Воловик с сопровождением танцевального ансамбля «Багратиони».

В завершение фестиваля в Колонном зале Дома Союзов состоялся заключительный гала-концерт, в рамках которого состоялась церемония вручения почетной награды МСРС и правительства Москвы «Соотечественник года – 2009». Грузия была представлена песней «На побывку едет молодой моряк» в исполнении Ксении Захаровой-Воловик. Зрителей и жюри покорили сочетание русской песни и грузинского танца. Аплодисменты и выкрики «Браво, Грузия!» сопровождали выступления нашей музыкальной делегации.

Фольклорный ансамбль духоворцов Дманисского района «Зори»

Лауреатами почетной награды «Соотечественник года», ежегодно присуждаемой выдающимся российским соотечественникам, проживающим за рубежом, в 2009 году, стали: в номинации «За вклад в общественно-политическую деятельность за рубежом» депутат Парламента Румынии, член Всемирного координационного Совета российских соотечественников, председатель Общины русских-липован Румынии М.Игнат (Румыния); в номинации «За вклад в защиту прав русскоязычного населения Украины» депутат Верховной Рады Украины, председатель Совета Всеукраинской общественной организации «Правозащитное общественное движение «Русскоязычная Украина» В.Колесниченко (Украина); в номинации «За вклад в распространение российского искусства за рубежом» победитель конкурса «Евровидение-2009» в Москве А.Рыбак (Норвегия);

Традиционный хрустальный шар, символизирующий планету, и диплом лауреата вручали Ю.Лужков и граф П.Шереметев.

В гала-концерте, кроме лауреатов фестиваля, выступили звезды российской эстрады и Александр Рыбак, запомнившийся виртуозным исполнением «Венгерской рапсодии» под аккомпанемент отца И. Рыбака.

Участники фестиваля занимались в мастер-классах Русского народного хора им.М.Пятницкого (художественный руководитель А.Пермякова), заслуженного артиста России, заслуженного деятеля искусств России, профессора Московской государственной консерватории им.П.И.Чайковского Л.Конторовича и народной артистки РСФСР В.Толкуновой.

Для них были организованы экскурсии в Кремль, Оружейную палату, на Соборную площадь, в Царицыно, Музей космонавтики. Вечера завершались музыкальными выступлениями участников, тематическими вечерами. Их объединяли русский язык, традиции и культура.

Символично, что фестиваль «Русской песни» пришелся на народный праздник Масленицу. Он способствовал особому музыкальному настрою и духу фестиваля.

Все участники получили звание лауреатов фестиваля. Руководителем делегации из Грузии была А.Беженцева. Поездка состоялась при поддержке МИДа России и правительства Москвы, а также Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб» (президент Н.Свентицкий).

Ирина СОРОКИНА

Я ТОСКУЮ ПО ТБИЛИСИ

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ НАГОРНЫЙ ТБИЛИСЕЦ В ЧЕТВЕРТОМ ПОКОЛЕНИИ. В ДОМЕ ЕГО РОДИТЕЛЕЙ – СИЛЬВИИ И НИКОЛАЯ НАГОРНЫХ, ПОВИНУЯСЬ ЗАКОНАМ ГРУЗИНСКОГО ГОСТЕПРИИМСТВА, ВСЕГДА БЫЛИ РАДЫ ГОСТЯМ. И КАКИМ ГОСТЯМ! УВЛЕЧЕНИЕ НАГОРНОГО-СТАРШЕГО ТЕАТРОМ СВЕЛО ЕГО С ЛЕГЕНДАМИ ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ – ЧИАУРЕЛИ, АНДЖАПАРИДЗЕ, КАЛАТОЗОВЫМ. ИМЕННО У ТАКИХ ВЫДАЮЩИХСЯ ГОРОЖАН ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ, ВЫРОСШИЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ ДВОРЕ НА БОРЖОМСКОЙ УЛИЦЕ, С ДЕТСТВА ПОСТИГАЛ АЗЫ ЭТОЙ ОСОБОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. КАВАЛЕР ОРДЕНА ЧЕСТИ ИГОРЬ НАГОРНЫЙ С ЧЕСТЬЮ ОБУЧИЛСЯ ЭТОЙ ГРАМОТЕ. И ПОЭТОМУ В ЕГО УЮТНОЙ КВАРТИРЕ ВСЕГДА ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ ДОРОГИМ ГОСТЕМ, КОТОРОГО ОБЯЗАТЕЛЬНО УГОСТЯТ ФИРМЕННЫМ КОМПОТОМ С АЙВОЙ И ПРЯНОСТЯМИ. И СЕЙЧАС МЫ ПОПЫТАЕМСЯ РАСШИФРОВАТЬ ТАИНСТВЕННЫЙ КОД ТБИЛИСЦА.

Мы - тбилисцы. Фото Б.Финкельштейна

ПО КУТИЛАМ ПИРОСМАНИ ...

- Что в себя включает понятие «тбилисец» для вас?

- Это олицетворение настоящего горожанина. Я должен сказать, меня никто не учил быть тбилисцем. Просто те люди, люди разных национальностей, друзья моих родителей, которые приходили к нам в дом, были настоящими горожанами.

- Вы шутите, что окончили Плехановскую уличную академию.

- В шестом-седьмом классе начались наши первые вылазки на Плехановский проспект (ныне проспект Агмашенебели). Я был «биржевиком». Именно тогда, в школе закладывался фундамент тбилисской государственности, тогда мы вдохнули аромат родного города. И я говорю, что с отличием окончил Плехановскую уличную академию, где меня научили прежде всего быть человеком. Таких по своей самобытности городов как Тбилиси очень мало. Можно назвать Петербург, Одессу, старую Москву и все, пожалуй.

- Как вы объясните феномен «биржи»?

- В Тбилиси у всех мальчишек были «биржи». Место, где мы знали, что можем встретиться. Наша, пле-

хановская была напротив кинотеатра «Ударник». А позывной был —«Встретимся у Дуба повешенных». Мне кажется, Плехановская была самой демократичной улицей, потому что к нам приходили люди с других районов. Руставели и Вера были элитарными. А наша улица, как Кура, вбирающая все окрестные речушки, вбирала в себя всех желающих. Мы были творческие биржевики, если можно так сказать. Часто ходили в филармонию, особенно когда приезжали знаменитости — Эдди Рознер, Леонид Утесов, Клавдия Шульженко. Покупали билеты и шли на концерт, а чтобы повторно послушать, приходили на следующий день после первого отделения, когда впускали без билетов.

- Кто для вас эталон тбилисца?

- На улице нашей, в шестом номере, жил актер Кота Каралашвили. Типичный грузин, сероглазый важкац, впечатавшийся в моей детской памяти. Считаю эталонными тбилисцами Георгия Шавгулидзе и Ладю Гудиашвили. Но особое место в моем сердце занимают Софико Чиаурели и Котэ Махарадзе. Моих больших друзей Котэ и Софико я считаю подарком судьбы.

- Вы согласны с утверждением, что Тбилиси - это

прежде всего люди?

- Безусловно. Люди всех национальностей и вероисповеданий и создавали Тбилиси. Ведь это факт – практически на одной улице расположены православный храм, мусульманская мечеть, еврейская синагога, католический костел и армянская церковь. В первом номере на Боржомской улице, например, жил сапожник Дереник, армянин, единственный в городе делавший футбольные шипы. Весь футбольный Тбилиси приходил к нему. Или, к примеру, когда во время сильного землетрясения, случившегося в Тбилиси несколько лет назад, пожилой русский мужчина, испугавшись, выпрыгнул из окна дома, и разбился насмерть, его похоронили соседи. А во времена Великой Отечественной войны многие беженцы безвозмездно нашли приют в домах тбилисцев. Где еще такое встретишь? Именно из таких историй соткан наш город.

ПО СЕБЕ, ПО МОЛОДОМУ...

- Однажды, будучи в гостях у Раисы Стручковой, которая была замужем за Александром Лапаури, я сказал ему: «Вы – грузин русского розлива, а я – русский грузинского розлива». В Москве меня никто не называл Игорем, только Гогой. Кстати, с Москвой у меня связана одна забавная история. Мой ученик Георгий Торадзе, известный теперь режиссер, с моего благословения поехал поступать во ВГИК. И вот я получаю от него первую телеграмму – «Летят журавли», потом вторую – «Я шагаю по Москве», и последнюю – «Ура!» Значит, поступил. Такой вот тбилисский штрих.

- Знаю, вас просили остаться работать в Москве?

- Я с 1964 по 1975 годы сотрудничал в Останкино, был там своим человеком. Но остаться жить в Москве даже в мыслях не было.

- Работая на грузинском телевидении, вы сняли не один документальный фильм о нашем городе. Расскажите об этом.

- Первой моей самостоятельной работой на телевидении был киножурнал «С киноаппаратом по городу». Затем - работа над полнометражным юбилейным фильмом «1500 лет Тбилиси». Интересно было работать также над фильмом «Певец Тбилиси», о народном художнике Элгудже Амашукели. Но особенно запомнился цикл передач – «Ме тбилисели вар...» («Я- тбилисец»), автором и ведущим которого был известный тележурналист Тенгиз Сулханишвили, живущий ныне в Америке. Мы ездили по городам и весям и снимали знаменитых тбилисцев. В Ленинграде - грибоедовцев Г.Товстоногова и Е.Лебедева, в Москве – М.Таривердиева, Е.Примакова, В.Бураковского, Л.Бокерия. Никогда не забуду, как известный актер Бабкен Нерсисян сказал мне: «Сколько лет я живу в Ереване, все равно хожу по городу, и мне видится Тбилиси». Все наши герои говорили о Тбилиси, как о прекрасном сне.

ПО ДОМАМ, ЧЕЙ СРОК НА СЛОМ...

- Игорь Николаевич, как город изменился за последнее десятилетие?

- Я считаю, что он утратил свое лицо. Я понимаю, жизнь изменилась, люди стали другими, ритм жизни сумасшедший. Но для того, чтобы стать горожанином, нужно было по-особенному вести себя. Мы снимали фильм о Маяковском - «Я сам о времени и о себе». Так он написал, что тбилисцы ходят эдакими парижачками. А где они сегодня, эти парижачки?

- Не знаю, как парижачки, но Тбилиси всегда гордился своими русскими. Не так ли?

- Русские – полноправные граждане, живущие в городе. Я могу назвать не одного русского тбилисца, верно служившего своей родине. Это великолепная актриса Наталья Бурмистрова, художник Кока Игнатов, кинооператор Михаил Медников, телеведущий Давид Соколов, спортсмены Юрий Дьячков и Николай Дерюгин и многие другие. Они делали и продолжают делать грузинское дело.

- Есть ли у вас в городе любимая точка для съемки?

- Есть, вернее, была. Город, снятый с высоты горы Св.Давида представлял собой чашу с уютными домами и красными крышами. Он был окружен горами, которые сейчас безжалостно срезаются. Помимо безли-

Первая съемка

С супругой Изабеллой.
Фото Б.Финкельштейна

ких массивов город бессистемно утыкан высоченными пустующими домами. Золотой телец и безвкусица победили. Боюсь, наш город теряет свою неповторимую прелесть. Именно по тому городу я тоскую, вслед за Евгением Евтушенко.

- Игорь Николаевич, хотелось бы завершить нашу беседу на весенней ноте. Что бы вы пожелали нашим читателям в преддверии Международного женского дня?

- Хотел бы пожелать всех благ, мира и преподнести мой небольшой стихотворный экспромт:

Особый праздник март дарит,
Улыбок нежных свет горит.
От нас примите поздравленья
Любовь, тепло и уважение.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

«ОБМОРОК, ПРИВОДЯЩИЙ В ЧУВСТВО...»

Вальдемар Вебер - поэт, прозаик, переводчик, издатель. Родился в 1944 году в семье российских немцев в Западной Сибири. С 1962 г. жил в Москве. Окончил Московский Институт иностранных языков. Многие годы занимается изданием и переводом классической и современной поэзии, в основном с немецкого и нидерландского языков. Открыл для русского читателя неизвестную поэзию Австрии, Швейцарии, Люксембурга, Румынии. Руководил семинаром художественного перевода в Литературном институте им. Горького. Преподавал в университетах Граца, Инсбрука, Вены, Мангейма, Пассау. В 1996-1998 гг. - главный редактор «Немецкой-русской газеты» (Мюнхен). В 2000 году основал издательство Waldemar Weber Verlag. Автор книг: «Слезы - линзы. Стихи и эссе» (1992), «Тени на обоях. Стихи и переводы с немецкого» (1995), «Черепки» (2000). Лауреат международных литературных премий. С 2002 года живет в Аугсбурге.

Не знаю, как пишет свои стихи Вальдемар Вебер. Но кажется, что без малейшего усилия, настолько они естественны. Разнообразие стихотворных форм не вызывает, как это часто бывает, никакого ощущения словесных игр или каких-то формальных фокусов. Видимо, поэт с легкостью отдает себя в подчинение стихотворению и послушно записывает то, что ему надиктовывает язык, то, чего от него требует будущее произведение. Ничего лишнего – только поэзия. Ровно столько, сколько достаточно. В.Вебер – поэт не только эмоции, но и рассуждения, не только метафизики, но и семантики. Но это не столько философия, сколько взгляд на жизнь – спокойный, но равнодушный, сдержанный, но страстный, уравновешенный, но непреклонный. Хочется своевольно воспользоваться словами самого поэта и заметить, что хорошая поэзия – это «обморок, приводящий в чувство». Поэт Вебер не идет по обочине жизни и не плетет словеса, укрывшись в башне словной кости, поэтому его стихотворения именно приводят в чувство, и прежде всего – это чувство жизни. Любить жизнь с ее страданиями и радостями, горем и счастьем, отчаянием и восторгом, ловить мгновение, не отвлекаться на ерунду, ценить каждое впечатление, которое дарит прожитый день, – именно с таким ощущением закрываешь прочитанную книжку стихов Вебера.

- Сегодняшняя поэзия обделена смыслом. Я написал об этом в «Иностранной литературе» в 2005 году, и немедленно попал в ретрограды. Но я не хочу быть семидесятилетним бодрячком. Я воспринимаю вещи такими, какие они есть. Вот буквально сейчас я был в Москве. Поэтические чествования там проходили, как на хэллоуне. А когда я не смеялся над тамошними шутками, то слышал: «Ну да, понятно, он же немец, у него нет чувства юмора». А ведь из всей европейской литературы юмора больше всего именно в немецкой. Достаточно вспомнить шванк.

- Хармс очень ценил немецкий юмор.

- Хармс вырос именно из немецких абсурдистских стихов. Но мы - рабы стереотипов, рабы мифов о немцах. Есть какие-то стереотипы и о Грузии, например, что грузины много пьют... Своим студентам я всегда говорю, что всегда есть причина для возникновения клише. Надо быть человеком очень широкой культуры, чтобы быть снисходительным к клише...

- Вы, получается, удрученно смотрите на сегодняшнее состояние литературы?

- Я реально смотрю на вещи. Бессмыслица получила статус жанра. В 1996 году одно крупное немецкое издательство предложило мне участвовать в книге, посвященной современной русской литературе или посоветовать эссе какого-нибудь известного русского писателя. Я рекомендовал статью Фазиля Искандера «Пастернак и этика ясности в искусстве». Статью эту взяли, перевели, но мне позвонил редактор и спросил: «А что Искандер имел в виду под этой ясностью?» – «Понятность, логичность образов, присутствие смысла», - ответил я. - «К сожалению это не очень сочетается с другими статьями сборника, к тому же это сейчас не актуально». Неактуально присутствие смысла! Исчезает и читатель. Читателя нет, потому что нет школы обучения чтению. Литература становится элитарным явлением. Это не значит, что приходиться послушать поэтов должны стадионы. Этого как раз я не понимаю. Это уже не искусство, а зомбирование, какой-то Кашпировский. Но люди перестают читать, перестают интересоваться литературой. Есть даже байка, что на поэтический вечер каждый из выступающих поэтов обязался привести по одному читателю. И поэты привели, но читатель оказался единственным. Удручает графомания. Огромное количество людей пишет огромное количество плохих стихов. Иногда кажется, что существует мировой заговор графоманов – у них журналы, книги... И все же я оптимист.

- Вы пишете на двух языках. Они равнозначны для вас?

- Я вхожу в русский или немецкий язык в зависимости от ситуации, в которую попадаю. Но на немецком я более смел... Я пишу и говорю на двух языках, и сколько себя помню, я писал и говорил на двух языках, правда, начинал я с русского, но у нас в семье немецкий язык был живым, в отличие от многих русско-немецких семей, в которых язык потеряли из-за переселения в 1941 году. У меня были культурные, очень образованные родители. Папа был инженером, мама - учительницей немецкого языка. Были две бабушки... И все они сохранили язык.

- То есть, в вашей семье два языка были в порядке вещей?

- Да, дело в том, что у нас особая была судьба... Немцев переселили за Урал. И впоследствии большинство национальностей возвратили. Не возвратили только крымских татар, турок-месхетинцев и немцев – не только поволжских, но и украинских, и кавказских. Вот здесь в Болниси, около Тбилиси, тоже очень много немцев жило. По-настоящему разрешили им переселяться в места, где они жили, только в 71-м году, а перемещаться (они ведь были приписаны к одному месту) – в 57-м. А в моей семье произошла счастливая случайность - моего отца из трудармии вернули, то есть, по сути, отпустили из лагеря, по домашнему адресу в Подмоскovie, на 101-й километр от Москвы. А это уже совершенно другая вещь. Есть разница – вырасти на

101-м километре, где все-таки есть последняя станция московской электрички, или в Семипалатинске. Это сыграло свою роль. Человек, который растет в Москве или под Москвой, меньше чувствует свою ущемленность... Так что, начинал я с русского, и у меня была недостаточность в немецком языке, конечно. Я поступил в иняз, как и мой брат, поэт Роберт Вебер, недавно умерший (он, правда, всегда писал только на немецком). И там наш диалект облагородили, я стал более литературно говорить по-немецки...

- В одном из интервью вы заметили, что всегда ощущали себя немцем.

- Этнически, но не культурно. Я продукт русской культуры. Но за мной стояла судьба моих предков, судьба неразрешенная, их все также продолжали дискриминировать, они не могли возвратиться на родину. К тому же был запрет на информацию, и они даже ничего не могли узнать о своем прошлом. Именно это привело к тому, что я стал ощущать себя немцем. И хотел себя ощущать немцем, это было альтернативой всему – запретам, дискриминации. Если бы было все нормально, не знаю, как я бы себя ощущал. Возможно, мне было бы все равно. Я много занимался историей немцев Москвы и Петербурга – какое у них было ощущение? Они ассимилировались. Они были гумусом петербургской культуры. В Петербурге постоянно было около ста тысяч немцев. Я удивлялся, почему все время одна и та же цифра до Первой мировой войны? А дело было в том, что те, кто ассимилировались, переходили в православие, и число 100 тысяч сохранялось за счет вновь прибывших из Германии. Немцев не считали за иностранцев. Они занимались самыми простыми профессиями - сапожным, стекольным, аптекарским делом. Мои предки, например, были мебельщиками, ювелирами и музыкантами. Немцы приезжали и жили в своем анклав. В Европе нет ни одной нации, которая была бы так связана и перемешана с Россией. Но мое ощущение себя немцем никогда не принимало какие-то радикальные формы. Меня, например, очень коробит русофобия в Европе, глупая русофобия. Она примитивна. Как французы немцев воспринимают? Туманная страна, Вагнер, валькирии... Также немцы воспринимают Россию – сразу Сибирь, медведи... Я никогда не верил, что такие примитивные вещи могут существовать. Я только в Европе в этом убедился. У Тютчева есть потрясающее письмо главному редактору немецкой газеты в Аугсбурге (это город, где я сейчас живу), написанное по-французски, уже когда он вернулся в Россию. Тогда эта была центральная газета Германии, и она заняла антирусскую позицию. Но дело было не в том – за Россию или против. Тютчев выступил против подмены понятий, против вранья и искажения исторического взгляда на Россию. И когда я возобновил свою немецко-русскую газету (мы делаем ее уже второй год), то, как главный редактор, написал письмо в крупнейшую газету Аугсбурга и предложил перепечатать письмо Тютчева. Мне ответили, что это настолько не политкорректная статья, что в сегодняшней атмосфере ее публикация невозможна. Россию боятся. А я болезненно воспринимаю такое примитивное отношение к России, и в этом смысле моя русскость в Германии проявляется гораздо больше, чем проявлялась здесь.

- Вы прожили в России много лет, окончили иняз, работали, и все-таки приняли решение об отъезде в Германию. Болезненным был этот переезд или естественным?

- Я скажу вам личные вещи, чтобы было понятно. Разрешение на переезд в Германию у меня было автоматическое, это мне сделали родственники еще до перестройки. Не надо было подавать никаких документов, я в любой момент мог переехать. Но я не думал уезжать. Тем более моя жена – полунемка, очень русский человек, москвичка – была против отъезда. Я много ездил в Европу, меня пригласили преподавать в университет Граца, в Австрию, читать лекции о русской культуре и литературе. Затем последовало приглашение в университет Инсбурга. И я не знаю, как все сложилось бы, если бы все у нас было счастливо. Но дело в том, что в жизни нашей семьи случилась огромная трагедия. Мы были в страшном состоянии, не знали, что нам делать. И поняли, что физически не сможем жить в Москве, в нашей квартире. И мы переехали в Германию и начали интенсивно работать, чтобы забыть... Поэтому я не люблю, когда врут о причинах переезда. Хотя некоторые действительно едут из глубоких убеждений – на родину. Но переехать в Германию из Семипалатинска – это одно, а из Москвы – это совершенно другое. Ведь в Москве я чувствовал себя внутри родной культуры. Так что, можно сказать, что я уехал на историческую родину – это будет правдой. Но я уехал в силу трагических обстоятельств моей жизни – это тоже правда. И я по сей день не интегрировался стопроцентно, хотя и пишу по-немецки. Может быть, причина в возрасте. Когда я переехал, мне было 48 лет - это не тот возраст, когда кардинально меняют жизнь. К тому же у меня не было энергии, трагический случай меня подкосил. Энергия ко мне вернулась в 60 лет.

- А ваши дети ассимилировались?

- У нас все сложно. Дочка моя принадлежала к лютеранской вере, но в католической части немецкоязычных стран, где мы жили, лютеранская церковь – это экзотика. Там был удивительный пастор, он играл на гитаре... Моему сыну это очень не нравилось, он считал, что это не современность, а деградация, что это уже не церковь, а клуб, какой-то музыкальный кружок. И с ним произошло то же самое, что с варягами – они тоже были германцы, а выбрали православие. Сын мой крестился в православии, он считает себя абсолютно русским, и говорит, что в конце концов переедет в Россию. Я сейчас выпустил книжку в моем издательстве - «В России – немцы, в Германии – русские». Ее покупают со страшной силой, потому что автор затронул главный болезненный нерв. Ведь большинство вернувшихся на историческую родину живет в депрессии, потому что немцы их за полноценных немцев все равно не признают. Не потому что немцы националисты, они просто воспринимают их как чужих. Немцам вообще исторически не свойствен национализм. Это прежде всего отражается в языке. Таких выражений, как, например, слово «бош» во французском, в котором вообще много жутких слов про немцев, или специфических слов и выражений в русском - «незванный гость хуже татарина», «чурка», «аэродром» - в немецком языке нет.

- Видимо, это говорит о каких-то особенностях национального менталитета.

- Видите ли, в свое время немцам внушили чувство вины, чувство, что быть немцем – это самое плохое в мире. Было такое понятие, введенное американцами, «reeducation», «перевоспитание». Если Сталин четко сказал: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий на-

род остается», то американцы до 1947 года вели политику давления на немцев, чтобы дать им понять, что они неполноценные. Сейчас молодежь уже начинает взбрыкиваться, она уже не хочет этого слышать, не хочет нести на себе это бремя. Ведь у немцев никогда не было великодержавности. Ради объединения Германии немцам это внушал Бисмарк. Он не говорил никаких античеловеческих вещей, но гордость национальную поднимал. Да и то эта идея не особенно тогда и привилась. Но в принципе, надо понимать, что Германия страна не центристской культуры, а центробежной. В ней никогда не было столицы, и наверное, не будет. А если и была, то Вена. И то - относительная столица. Все немецкие государства были свободные и были похожи на Европу. В этом и сила Германии, и ее недостаток. Например, Франция – это Париж. Выезжаешь из Парижа, и ты в провинции. И в России также. А в Германии, что ни город, то центр. В каждом городе вы можете пойти в очень хорошие музеи, библиотеки, увидеть интересные памятники истории. Это страна провинциальной культуры. Когда упоминают Эльзас... Ну что ж, случилось то, что случилось. Людовик XIV сказал, что это прекрасная земля и он наденет ее, как самый красивый перстень. Когда эта земля была, как все немецкие земли, самостоятельным государством со своим парламентом, со своей культурой, там родилось – я насчитал – сто великих людей, а за все французское правление - только нефранцуз Марсель Марсо и Гюстав Доре. Это происходит не потому, конечно, что французы не рожают великих людей, а потому, что они все, что не Париж, превращают в провинцию. И Эльзас становился и стал заштатным департаментом.

- То есть, Франция центростремительная страна.

- Именно. Сейчас французы борются с этим, но не получается, слишком устоявшаяся психология. А если в стране нет центростремительности, как в Германии, то национализм не прививается. Тот, кто жил во Франции, имеет возможность сравнивать. Вот поэт и артист Юрий Юрченко, который жил и во Франции, и в Германии, сразу видит, кто националист, а кто нет. Он очень любит Францию, и я ее очень люблю, но он замечает, что из всех европейцев с немцами общаться легче всего...

- Не могу не заметить, что очень легко общаться и с грузинами. Я думаю, вы со мной согласитесь, тем более вы в Грузии не впервые.

- Конечно, соглашусь. Первый раз я приехал в Грузию в 1969 году и до 1975 года приезжал сюда регулярно – возил художников по стране в качестве сопровождающего. Я успел изучить и полюбить те места, куда я возил группы. Это, в основном, Тбилиси, Поти, Батуми... Вы знаете, Грузия в Советском Союзе вообще занимала особое место, не только потому, что она для России была настоящим раем, но и потому, что благодаря Грузии многие вещи вообще могли появиться и существовать в СССР, ведь именно в Грузии всегда все было посвободнее, здесь многое разрешалось из того, что было запрещено во всем Союзе, и она как бы давала пропуск для значительных явлений и в кино, и в литературе... Например, грузинское кино с его характерной поэтикой совершенно не было советским. Кстати, наши страны очень многое связывает. Из всех европейских стран Грузию больше всего исследовали и исследуют в Германии, где очень много картвелологов. Поэтому немцы хорошо знают Гру-

зию и судят о ней не по русским переводам. Хотя для немцев грузины всегда были загадочным народом... Я много общаюсь с грузинами в Германии. Интересно и странно за ними наблюдать, потому что в русском сознании невозможно себе представить грузина без родины. Но они приехали в Германию добровольно, их никто не гнал... По их словам, это серьезная душевная проблема, потому что они гораздо спокойнее чувствовали бы себя, если бы их не пускали на родину, или там было бы опасно, или могли бы посадить. А как уехать из этого жизненного комфорта? У всех мерседесы, дома... Дети ничего об этом слышать не хотят – вы это затеяли, родители, вы и расхлебывайте...

- Но, наверное, грузины держатся вместе? Раньше говорили, что стоит оказаться хотя бы трем грузинам в эмиграции, как они немедленно объединяются и начинают издавать газету. Это так?

- Это как про немцев говорят: там, где два немца, там сразу три партии. Но желание держаться вместе, наверное, свойственно всем. Не только грузинам. Мне рассказывали про армян в Боливии, как они держатся друг за друга. Это уже третье поколение, и не дай бог, дети не будут говорить по-армянски. У грузин, я думаю, ментальность несколько другая.

- Может быть, у вас есть переводы с грузинского?

- Я очень много читал грузинской литературы, но не переводил. Я серьезно отношусь к переводу и не признаю халтуры, которая зачастую объясняется тем, что перевод – поденная, быстрая работа. Я тоже занимался такой работой. Но не халтурил. Переводя, я хочу быть пропагандистом именно этого писателя, именно этого стиля. Перевод не должен быть через-через подстрочник. Хотя я вначале переводил с киргизского, чешского, датского, шведского по подстрочникам, но постепенно ограничился только переводами с немецкого и нидерландского. Эта работа была часто не очень интересная, но моих стихов никто печатать не хотел, и я жил переводами. Я и издательство создал опять же, чтобы зарабатывать на жизнь. Но издательская деятельность мне нравится, я делаю эту работу честно, без халтуры. Вокруг меня много людей. Литературный круг, естественно, ограничен. А благодаря издательским делам большая насыщенность общения, и это не утомляет, а переполняет. Люди ведь совершенно разные. И не так важно, нравится мне человек или нет, я принимаю каждого таким, какой он есть, но все равно, каждый человек – это ведь особая вещь...

- И столько субстанций вокруг сразу...

- Именно, столько субстанций... В принципе, это хорошо, потому что все мы на Западе так обособлены друг от друга...

- Вы продолжаете заниматься переводами?

- Сейчас я переводами денег не зарабатываю, изредка перевожу для души. Хотя именно перевод, попытки найти русское воплощение немецких, например, стихов во многом сформировали меня как поэта, и западная поэзия в большей степени по сравнению с русской оказала на меня влияние. В свое время я занимался в семинаре у Слуцкого, он долго за мной наблюдал и, наконец, сказал мне: «Зачем вы мучаетесь? На вас произвел впечатление западный стих? Отказывайтесь от рифмы тогда, когда вам этого хочется, там, где она искусственна, где она не нужна. Хотите ритмизируйте, хотите нет... Я и сам не решался долгие годы...» А у Слуцкого тоже была тенденция к

распаду классической формы. Вот и на чтениях «Стихи у моря» мне хотелось показать все жанры, в которых я работаю, и я читал именно по этому принципу, а не по содержательному, – и классический стих, и стих распадающийся, где используется только подрифмовка, и верлибр, и афоризмы, и стихотворения в прозе... Но меня иногда тянет именно к классической форме, и какая-то критикесса написала в рецензии на мою книжку глупую, я считаю, фразу: «Стихи Вебера по форме банальны». Что это такое? Как может быть форма банальной? Форма может быть классической, методы – традиционными. А банальной может быть только мысль.

- А какой вы видите роль искусства в сегодняшнем мире?

- Как можно недооценивать роль искусства, культуры! А ведь урезают как раз ее, пренебрегают как раз ею, хотя благода-

Вальдемар Вебер на фестивале

ря именно культуре народы не теряют духовных связей и сохраняют взаимные понимание и симпатии.

- Как мы с вами...

- Совершенно верно. Вы знаете, я в Германии живу в 60 км от Мюнхена на северо-запад. Аугсбург – это старинный и очень красивый город, но туда почти никто не заезжает... Если вы приедете в Германию, буду рад принять вас.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

АРКАДИЯ, ТОЧКА ОТСЧЕТА

Казалось бы, много времени утекло с тех июньских фестивальных дней, и память, не должна уже возвращаться на григолетский, влажным песочком присыпанный берег, но возвращается.

То и дело вспоминаются минуты приятного расслабления за прекрасно сервированными столами на морском берегу, при ясной, в меру теплой погоде. Двое суток нашего (а мы – это литобъединение «Молот О.К.») пребывания на фестивале отдавали чуть-чуть райскими (аркадскими) кущами. Что ж, древний берег Колхиды – вероятно, самое подходящее место для эллинистических ассоциаций.

Однако серьезность мероприятия говорила сама за себя: достаточно заметить, что чтение стихов «на пляже», которое происходило при нас, заставляло выслушивать в течение нескольких часов идущие сплошным потоком поэтические тексты самого разного калибра и весовой категории, что само по себе – весьма приятная и полезная умственная нагрузка.

На наши два с половиной дня пришелся мастер-класс по переводу, проведенный Зазой Абзианидзе, на котором разбирались, и поэтические переводы с грузинского членов литобъединения «Молот О.К.»

и на котором свое непредвзятое мнение высказали поэт, прозаик и переводчик Наталия Соколовская и редактор журнала «Дружба народов» Александр Эбаноидзе. В те же дни был прочитан любопытный доклад кинодраматурга и преподавателя ВГИКА Павла Финна о поэтическом кинематографе, которого, по парадоксальному заявлению докладчика, вовсе не существует. Кроме предусмотренных программой мероприятий, эти дни были знаменательны присутствием среди публики редакторов «толстых» литературных журналов, что для пишущих – самодостаточное событие.

Пара фестивальных дней – не много и не мало. Можно успеть увидеть всех участников, но не успеть пресытиться напряженным графиком работы (там ведь не только звучали стихи, но и проходили «круглые столы», мастер-классы и т. д.). Можно, как говорится, вкусить и не объесться при этом.

Фестиваль оставил по себе впечатление отлично организованного мероприятия, где всему было свое время и место. И выступлениям серьезных поэтов «со стажем», и молодых, начинающих, для которых такие встречи – возможность проверить свои силы, сопоставив свою личную палитру, свой личный художественный опыт с опытом поэтов разнонаправленного творческого импульса, приехавших из разных стран и регионов и исповедующих достаточно разнящиеся друг с другом стилистики.

Что до литературного объединения «Молот О.К.»,

то на фестивале наши молодые авторы впервые получили возможность заявить о себе перед столь многочисленной, разнообразной и профессионально подготовленной аудиторией. И это не осталось незамеченным.

Буквально через пару месяцев трое членов ЛИТО Анна Цилосани, Марина Ламар и Давид Мезурнишвили получили приглашение принять участие в IX Форуме молодых писателей России. А это уже серьезный опыт для пишущего. Форум проводится ежегодно при поддержке Министерства культуры РФ, Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и правительства Москвы. Целью форума являются открытие новых имен в литературе и продвижение их произведений к читателю, консолидация молодых литераторов, создание условий для их общения, обучение литературному мастерству молодых литераторов, поддержка авторов наиболее значимых произведений, их издание в серии «Молодая литература России» издательства «Вагриус».

И вот, в октябре прошлого года Марина Ламар и Давид Мезурнишвили (Анна Цилосани, к сожалению, была по семейным обстоятельствам) в течение недели участвовали в работе форума в подмосковном пансионате «Липки». Ребята вернулись, полные

литературного форума.

Вслед за этим последовали публикации стихотворных подборок Марины в Интернет-журнале «Пролог» и Давида в сборнике «Молодые писатели России». Более того, и это оказалось приятной неожиданностью для всех нас, в том же Интернет-журнале «Пролог» появился большой блок стихотворений еще одного

МОЛОТ.ОК

Встреча с участниками фестиваля

впечатлений от творческих встреч с известными писателями, с главными редакторами литературных журналов, деятелями науки и культуры, издателями, журналистами, рассказывали о том, как много дали им занятия в мастер-классе, о знакомстве и дружбе, завязавшейся с молодыми поэтами из России и русского зарубежья. Выяснилось, что они стали первыми участниками из Грузии за девять лет проведения этого

«молотковца», Андрея Авалова.

Вскоре после фестиваля в российских литературных изданиях прошли информационные материалы о ЛИТО «Молот О.К.», а также были получены предложения от нескольких российских и международных «толстых» журналов. Одним словом, благодаря фестивалю, о нас узнали и нас приняли за пределами Грузии.

Поэзия сегодня, впрочем, как и во все времена – дело сугубо личное, даже интимное. Поэт – человек особого риска, так как открывается перед всеми во всех своих слабостях и личных заморочках, во всех своих индивидуальных проблемах, которые могут стать всеобщими лишь при особом стечении обстоятельств, в кои входят не в последнюю очередь талант и аналитический ум. И поэтому – особая благодарность тем людям, которые, учитывая всю специфику личного литературного творчества, в наше непростое время организуют для поэтов такие праздники,

как фестиваль в Григолетети, и предоставляют им возможность общения друг с другом и выхода на широкую аудиторию.

Фестиваль еще раз продемонстрировал, что для поэзии, границ не существует.

Елена ЧЕРНЯЕВА

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Новая жизнь

Анна Николаевна получила похоронку, в которой сообщалось, что ее сын Георгий героически погиб при обороне Москвы. Ее, вдову расстрелянного «врага народа», жизнь вообще не баловала. Впервые мужа арестовали за семнадцать лет до начала Великой Отечественной. Этому никто не ожидал. Платон Спиридонович, успешный инженер, получивший техническое образование в Германии, вместе с женой и трехлетним пасынком направлялся в Голландию, куда был назначен представителем Чиатурских марганцевых разработок. Все, казалось бы, складывалось как нельзя лучше. Но до места назначения семья не доехала. По дороге, в Москве, Платона Спиридоновича задержали. Обвинение звучало совершенно нелепо. Но приговор был вынесен. И Анна Николаевна отправилась вслед за мужем, вместо Европы совсем в другую сторону – на Урал, где мужу пришлось от-

бывать наказание. Конечно, с сыном, потому что не представляла себе, как она сможет жить без него. В Свердловске арестовали и ее, совершенно без причины за княжеское происхождение. Впрочем ненадолго. А спустя какое-то время освободили и Платона Спиридоновича. И не просто освободили. С него полностью сняли обвинения. И даже назначили на высокий хозяйственный пост в Москве. Но в 30-е годы арестовали снова. И на этот раз уже расстреляли.

Тогда Георгий еще учился в школе, одной из самых престижных в советской столице. Конечно, он рос в не совсем обычной среде. Элитарной, как сказали бы сегодня. Пока был жив отчим, благодаря его положению семью окружали люди, по крайней мере, того же социального статуса. Но и позже, когда Платона Спиридоновича не стало, домой к маме запросто могли заглянуть, например, непревзойденная испол-

нительница русских романсов Тамара Церетели или Верико Анджапаридзе, с которой Анна Николаевна была хорошо знакома еще с детства, с Кутаиси.

После окончания школы Георгия призвали в армию, и мама стала жить письмами от него. Они приходили сначала из Монголии, где сын начинал служить, а потом с западных границ Советского Союза. Военное подразделение Георгия Церцвадзе перебросили туда через всю огромную страну незадолго до 22 июня 1941. Таким образом, молодой человек с первых минут войны оказался в самой гуще событий...

- Ни один фильм, ни одна книга даже отдаленно не передают того ощущения, которое испытываешь при массированном вражеском обстреле, - вспоминает он сегодня. - Кажется, что вокруг нет участка, где не рвались бы снаряды. От них некуда спрятаться. Охватывает паника. В общем, конечно, страна готовилась к войне. Об этом можно судить хотя бы по тому, что у границы сосредотачивались силы. Но все-таки, как мне кажется, такого вражеского напора, каким он был в первые месяцы войны, никто не ожидал. Только этим и можно объяснить отступление советских войск. Хотя, и отступая, под Смоленском и особенно под Вязьмой мы принимали бои и сражались, не щадя себя. Вязьму я и сегодня не могу вспоминать без волнения. Из всего нашего подразделения в живых остался я один.

Георгий Церцвадзе не искал на фронте легкой жизни. Об этом говорят его боевые награды. Хотя война закончилась для него рано – на подступах к Москве. Тогда в спешке решили, что он погиб, и отправили домой похоронку. А солдат оказался раненым. Тяжело, очень опасно. Но в госпитали в глубоком тылу уставшие, небритые, не спавшие много ночей подряд, не переставая курящие врачи спасли ему жизнь.

С высоты своего профессионального опыта Георгий Георгиевич считает, что врачи сделали тогда практически невозможное. В результате сложнейшей операции юноше полностью восстановили зрение на один глаз. Другой глаз, правда, не видел, а позже его и вовсе пришлось удалить. Но тогда радость от ощущения открывшейся перед ним огромной жизни впереди, от сознания того, что самое страшное его миновало, была настолько огромной, что все остальное попросту не имело значения. Со свидетельством об инвалидности его отпустили из госпиталя на все четыре стороны. Врачи подарили ему не только жизнь, но и мечту. Отныне Георгий Церцвадзе точно знал, чем хочет и будет заниматься.

Москва тогда была еще закрытой, и он отправился в Тбилиси, к родственникам, которые считали его погибшим. Демобилизованный по состоянию здоровья молодой человек поступил в Тбилисский медицинский институт, откуда через год, когда появилась такая возможность, перевелся в Москву, и наконец-то очутился дома.

Тут обязательно надо сказать, что уехав из Грузии ребенком, Георгий Церцвадзе благодаря главным образом, матери, никогда не терял связи с родиной, помнил язык, поддерживал отношения с родственниками. Поэтому неудивительно, что после окончания медицинского института, при распределении, он попросился в Грузию. И ему пошли навстречу, направив в Знаури, где молодой врач отработал положенные пять лет.

Георгий Церцвадзе

На встрече с ветеранами

- Я с благодарностью вспоминаю работу в районе, - признается он. - Во-первых, это огромная практика, которую в условиях городской больницы вряд ли получишь. Лично мне очень помогли впоследствии приобретенные там навыки. А кроме того, в Знаури я женился на Зейнаб Такашвили, которая, как и я, работала там по распределению после окончания Тбилисского мединститута. Она была прекрасным врачом-педиатром и настоящим другом. Мы прожили большую и хорошую жизнь, вырастили сына и дочь, внуков, которыми могли гордиться. А сейчас у меня есть и правнук, тоже, кстати, Георгий.

Вернувшись в Москву, Георгий Георгиевич работал сначала заведующим отделением 32-го роддома, а потом – главным врачом в 26-м роддоме города

Москвы, в те годы - самом большом в мире. Он был не очень типичным советским главврачом, большинство которых, хоть и имели дипломы медицинских вузов, были, скорее, административными, хозяйственными работниками, и собственно медицинской практикой либо не занимались вовсе, либо занимались от случая к случаю. Тут дело обстояло ровно наоборот. Георгий Георгиевич был практикующим доктором, вел большую научную работу. Но, конечно, не в ущерб административной работе. Под его руководством 26-й род-

не в больнице Четвертого управления, где условия должны были быть лучше. К нам часто поступали и иностранные граждане, например, сотрудники дипломатических, торговых представительств, подолгу жившие в СССР, или члены их семей. Как правило, иностранцы преподносили мне хорошие, дорогие подарки. Но после их ухода приходили люди из соответствующих органов и все забирали. Например, одна японская семья подарила мне довольно большую пиалу, доверху наполненную жемчугом. Так оттуда мне досталось несколько жемчужин. Остальные, как мне объяснили, пошли на благосостояние страны. Но не было ни одного случая, чтобы я что-нибудь утаил..

С семьей Арчила Гомиашвили

Впрочем иногда забирать подарки попросту никому не удавалось. Однажды, например, в 26-м роддоме прооперировали супругу врача посольства США в Москве, который, кстати, состоял в довольно близком родстве с президентом Кеннеди. Операция прошла очень хорошо, за что клиника получила в подарок от благодарного супруга аппарат для экоскопии. Долгое время роддом оставался единственным в Москве, наверное, и во всем Советском Союзе медицинским учреждением, где была такая техника.

Доктор медицинских наук Георгий Церцвадзе – автор множества научных трудов, одно перечисление которых заняло бы много места. Достаточно сказать, что он разработал внутриматочные контрацептивы, которыми пользуются сегодня во всем мире. Однажды, уже сравнительно недавно, к нему пришел американский коллега, читавший в Грузии лекции по контрацепции и узнавший, что человек, придумавший этот эффективный способ предупреждения нежелательной беременности, живет в Тбилиси. Пришел познакомиться.

В Тбилиси Георгий Церцвадзе переехал в начале 80-х годов. И ни разу не пожалел об этом, хотя, как говорит он сам, многое в нашей сегодняшней жизни ему непонятно, а что-то и вовсе неприемлемо.

- Не могу смотреть равнодушно, как люди копаются в помойках, не для этого они рождаются на свет, - признается он. – Страна-то у нас замечательная. Бог всего отпустил ей вдоволь. Люди здесь живут хорошие – открытые, радужные. И работать они умеют. А поэтому голодать в Грузии – это явление ненормальное, ни в каком сознании оно укладываться не может. Еще я категорически не согласен мириться с тем, что происходит в отношениях между Грузией и Россией.

Моя жизнь сложилась так, что мне близки оба народа. Я сегодня единственный живущий в Грузии заслуженный врач Российской Федерации. Одно это о многом говорит. Простые люди с обеих сторон продолжают хорошо относиться друг к другу. И это, по-моему, очень важно не потерять, несмотря на все политические распри. Я все-таки с оптимизмом смотрю в будущее. Не можем мы не преодолеть сегодняшних трудностей. Если уж такую войну вынесли на своих плечах, в наших делах как-нибудь разберемся.

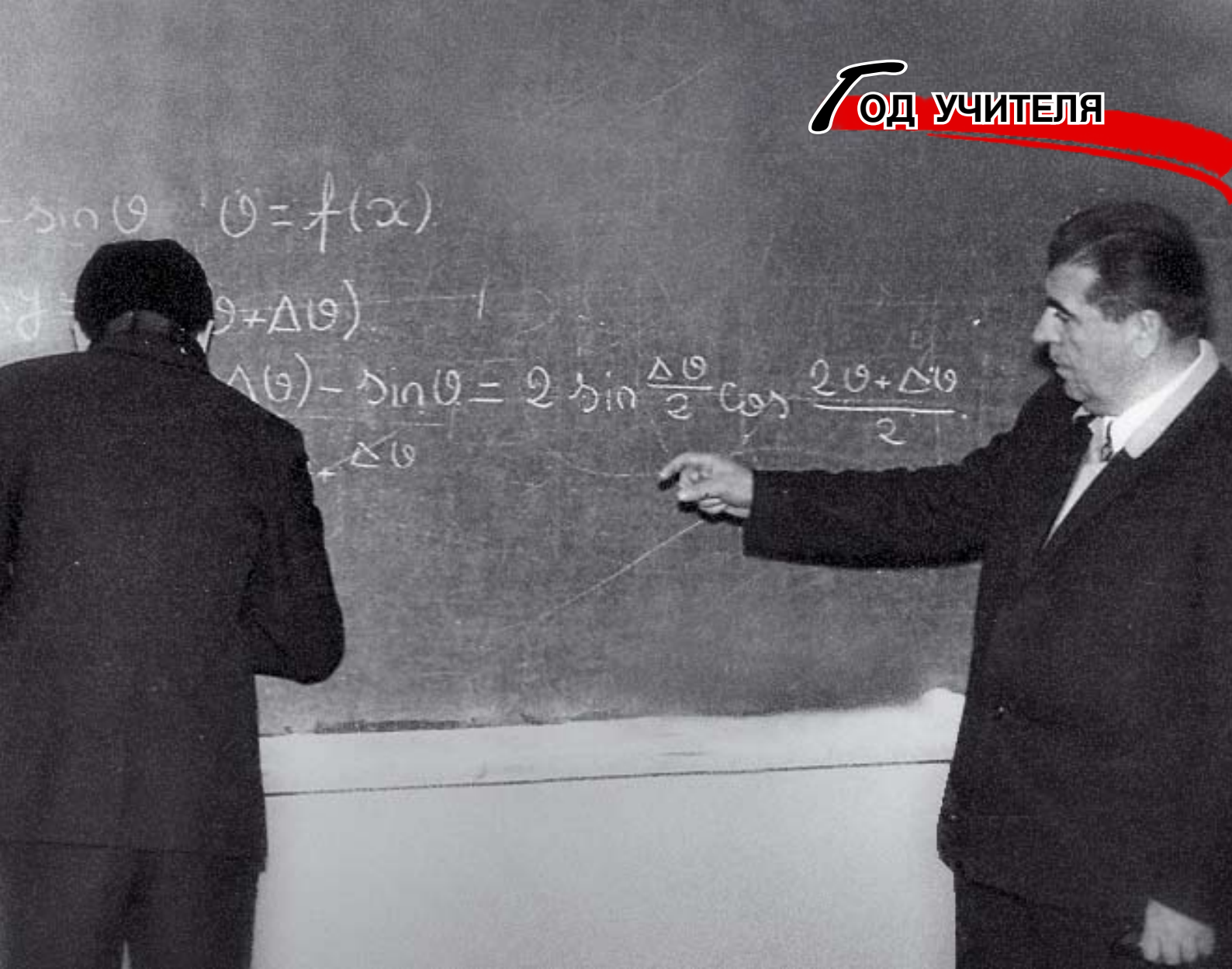

Авлипий Зурабишвили и Георгий Церцвадзе

дом считался лучшим в столице. Тридцать новорожденных в сутки, - таков был его средний показатель, превзойти который не удавалось никому. А учитывая, что Георгий Церцвадзе переживал по поводу каждого родившегося у него в больнице ребенка и что работал он на посту главврача 17 лет, можно путем простого арифметического действия назвать точное число людей, живущих на белом свете благодаря его знаниям и опыту.

- Наш роддом действительно гремел. Говорю без ложной скромности, - говорит Георгий Георгиевич. – Жены и дочери ответственных партийных работников, членов правительства предпочитали рожать у нас, а

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ

УЧИТЕЛЬ + ШКОЛА = СУДЬБА

Когда речь заходит об известной в Грузии и далеко за ее пределами физико-математической школе-интернате им. В.М. Комарова, все, кому посчастливилось в ней учиться или преподавать, вспоминают прежде всего Варлама Меладзе, ее основателя и директора. Блестящий математик, талантливый учитель, мудрый наставник, человек редких душевных качеств, он дал дорогу в науку и педагогику многим ученым, которыми сегодня гордится Грузия. Человек неординарной судьбы Варлам Меладзе всю жизнь посвятил школе своей мечты, школе для детей, одаренных способностями к математике и физике. Он мечтал о школе, которая давала бы не только глубокие знания, но и закладывала в воспитанниках прочный нравственный фундамент, строила бы личности, которые в будущем могли определять лицо грузинской науки. И он построил такую школу, пригласил в нее лучших педагогов страны, вместе с ними разработал новую технологию обучения, которая успешно работает и в наши дни,

спустя сорок пять лет. Сегодня в этой школе преподают воспитанники Варлама Меладзе, которым учитель оставил бесценное наследие – знания и свой опыт, пример мудрого отношения к жизни и людям. Лев Николаевич Толстой очень точно определил свойство мудрого человека: «Оно состоит в трех вещах: первое – делать самому то, что он советует делать другим, второе – никогда не поступать против справедливости и третье – терпеливо переносить слабости людей, окружающих его». Наверное, в этом определении и кроется ключ к меладзевской системе обучения.

Дорога к мудрости – это дорога длиною в жизнь и ничего в жизни не бывает случайным. По воспоминаниям Варлама Меладзе, его судьбу определила встреча с Варламом Дзидзигури. Поэт и публицист, общественный деятель и педагог, кавалер Ордена Ленина, народный учитель Грузии Дзидзигури был уроженцем села в Западной Грузии, односельчанином Варлама Меладзе. Несмотря на то, что Дзидзигури давно уже поселился в Тбилиси, он не забывал родное село, часто приезжал туда, поддерживал родных и друзей, помогал многодетным семьям, мечтал построить для сельских ребят новую, светлую, «самую современную в Грузии» школу. Он разработал проект этой школы, написал специальную учебную программу, ходил по высоким инстанциям, сражался с чиновниками, пыта-

ясь добиться разрешения и найти средства на строительство школы. (Эти этапы трудного пути через много лет повторяются в судьбе Варлама Меладзе.) Строительство школы, отвечающей самым современным требованиям образования, в маленьком отдаленном от центра селе казалось утопией. И все-таки его жители получили этот прекрасный подарок. Все решилось неожиданно и просто. Авторитет Варлама Дзидзигури,

Варлам Меладзе

его умение заражать своими идеями окружающих, искреннее, неподдельное желание видеть детей из простого народа, новое поколение Грузии образованным, духовно богатым – все это сыграло решающую роль при его встрече с приехавшим в Тбилиси Михаилом Ивановичем Калининным, председателем ЦИК, всесоюзным старостой. Калинин был настолько покорен личностью Дзидзигури, что ответил согласием на приглашение Варлама посетить его родное село. Там на общем сходе и решился вопрос строительства. «Школе быть!» – пообещал Калинин. И опять, в очередной раз проявились незаурядные организаторские способности Дзидзигури. В те годы очень популярны были почтовые открытки. Варлам предложил издать большим тиражом открытку с изображением макета современной сельской школы и пустить эту открытку в продажу по всей огромной Стране Советов, а полученные средства направить на строительство школы. Идея сработала, и скоро крестьянские дети сели за парты одной из лучших школ в Грузии, которой было присвоено имя Варлама Дзидзигури. Нужно ли удивляться, что сегодня жители этого небольшого грузинского села гордятся многими односельчанами, вписавшими не одну славную страницу в науку и культуру Грузии. Среди них есть кандидаты и доктора наук, видные общественные деятели, руководители крупных вузов страны и даже два академика – Рамаз Хуродзе и Шота Дзидзигури.

Эту историю строительства школы в родном селе часто вспоминал Варлам Николаевич Меладзе – именно в те дни произошли события, которые стали началом его будущей судьбы. Подросток Варлам впервые

встретился со своим знаменитым соседом-тезкой. Дзидзигури сразу оценил ум и способности юноши и был обрадован его горячим желанием получить высшее образование. Правда, тогда пределом мечты был индустриальный техникум в районном центре Хони. Как-то его, двенадцатилетнего парня, отец взял с собой в поездку за солью в Самтредиа. Там сельский мальчик впервые увидел железную дорогу, паровоз, был потрясен «этим чудом инженерного века» и в мечтах видел себя будущим инженером-железнодорожником. Дзидзигури решил помочь своему юному земляку и забрал его к себе в Тбилиси, чтобы подготовить к поступлению в Институт инженеров железнодорожного транспорта. В доме Дзидзигури произошла встреча с молодым, только что защитившим диссертацию Ильей Векуа. Он был старше Меладзе на семь лет, но уже преподавал в Тбилисском государственном университете. Векуа, отметив способности Варлама в математике, уговорил его поступить на механико-математический факультет университета. Меладзе стал студентом ТГУ, а лекции по математике ему читал Илья Векуа. В годы студенчества Варлам в свободное от лекций время подрабатывал в нескольких тбилисских школах, к занятиям готовился ночами и при этом оставался лучшим студентом на факультете. В 1937 году Меладзе с отличием окончил университет, в том же году женился на Юлии Никурадзе, которая на всю жизнь стала верной подругой и помощницей во всех его начинаниях. В течение нескольких лет преподавал в тбилисской школе №12 и параллельно работал на кафедре математики сельскохозяйственного института, готовил диссертацию. Но началась Великая Отечественная война. Воевал под Ростовом и Ворошиловградом, а в 1942 году на подступах к Харькову был тяжело ранен. Однопольчане вынесли его с поля боя. Ранение было осколочное, рваное, требовалось множество операций, и Варлама отправили санитарным поездом в Ташкент. Пока добирались до госпиталя, началось заражение. Решение врачей звучало как приговор: «Спасти жизнь может только немедленная ампутация ноги». Оперировал его молодой военный врач Богораз. На всю жизнь запомнились Варламу минуты перед операцией, когда он умолял хирурга: «Делай, что хочешь, только не отнимай ногу!» И услышал в ответ: «Спокойно, парень! Сделаю все, что смогу. Кто, как не я, знает, каково это – остаться без ног». Приглядевшись, Варлам понял, что у врача не было обеих ног. И стало стыдно за свой страх: «Этот спасет. Сохранит и ногу, и жизнь...»

После войны Варлам в Тбилиси. Нужно было строить жизнь заново. Его назначили директором 62-й средней школы. В военные годы в здании школы размещался госпиталь, и теперь пришлось спешно перестраивать больничные палаты в школьные классы. Вернулась из деревни жена с детьми, жить было негде. Обосновались там же в школе, в одном из классов, где семья Меладзе прожила десять лет. За эти трудные послевоенные годы преподавания и директорства в душе окончательно укрепилась уверенность, что педагогическое поприще – его настоящее призвание. Он любил детей, свой предмет – математику, школу. Ученики его боготворили. Говорят, самая главная оценка учителя – это достижения его учеников. Варлам Меладзе гордился, что в числе выпускников его школы были лауреат Ленинской премии по фи-

зике Георгий Чиковани, руководитель Совмина Зураб Патаридзе, профессор-филолог Роман Миминошвили, народный артист Грузии Джемал Гаганидзе. Кстати, с Джемалом была связана забавная история. К занятиям Джемал особого рвения не проявлял, и Варлам Николаевич его пожурил: «Если так будешь учиться, в жизни ты не далеко пойдешь». Прошло несколько лет, и учитель получил телеграмму от бывшего ученика, гастролировавшего за рубежом: «Дальше идти некуда – я в Мексике!»

Организаторский талант Варлама Николаевича был замечен в Министерстве образования, и Меладзе получил назначение на должность заведующего РОНО. Но должность кабинетного чиновника была

Во дворе школы

ему не по душе. Его тянуло в школу – там было его настоящее призвание. Однако, теперь уже он был захвачен идеей построить новую школу, не похожую ни на одну другую в Грузии. В ней, по его замыслу, должны обучаться проявляющие особые способности к математике дети из всех районов республики. Он был глубоко убежден – новые кадры для грузинской науки необходимо готовить со школьной скамьи, и к этому делу нужно привлечь лучшие педагогические

силы. Школа его мечты – это была принципиально новая система обучения и воспитания, отвечающая самым высоким требованиям и международным стандартам современного образования. Проект талантливого педагога и организатора включал в себя все, начиная от педагогических кадров, образовательных и воспитательных программ, корпусов для обучения и проживания учеников, кончая школьным двором, розарием, обширным приусадебным участком, который должен возделываться руками воспитанников, приучая их к труду, бережному отношению к родной земле, природе.

Конечно, воплощение в жизнь такого грандиозного проекта требовало от его автора колоссальных

Сидят: К.Кикачеишвили, В.Меладзе, Н.Думбадзе, стоят: А.Гоциридзе и А.Цулая

душевных и физических сил. Нужно было на самых высоких, правительственных инстанциях убеждать, доказывать, добиваться. Но бывший фронтовик, награжденный орденами и медалями за отвагу, Варлам Меладзе знал: без борьбы и твердой уверенности в правоте своего дела не бывает победы. Он сплотил вокруг своей идеи единомышленников, самые высокие авторитеты научного мира, заручился поддержкой видных общественных деятелей Грузии – и победил.

Так, в 1965 году в Тбилиси была открыта вначале школа-интернат №2 для одаренных детей, а уже в начале 1966-го года она получила статус Республиканской физико-математической школы-интерната, которой присвоили имя космонавта В.М.Комарова. Директором новой школы был назначен Варлам Николаевич Меладзе, а попечительский совет возглавил академик Николай Иванович Мусхелишвили.

По воспоминаниям профессора Джондо Шарикадзе, «... поражал уже сам состав педагогического коллектива, сформированного Варламом Николаевичем. Это были лучшие учителя по всем предметам. Физику и математику воспитанникам школы-интерната преподавали известные ученые, представители высшей школы, профессора Автандил Бендукидзе, Филимон Харшиладзе, Тенгиз Гегелия, Леонард Мдзинаришвили, Шалва Пхакадзе, Платон Когония. Они преподавали элементы высшей математики, разработали курсы расширенной математики, подготовили и

стали издавать на родном грузинском языке брошюры по занимательной физике и математике. Для этого при школе была создана собственная маленькая типография».

«Меладзевская школа» стала известна далеко за пределами Грузии. Здесь проводились Всесоюзные математические и научно-творческие конференции школьников, издавались на грузинском и русском языках сборники лучших ученических работ. Дважды на базе школы проводилась Всесоюзная олимпиада школьников, которая собирала участников из всех союзных республик. Частыми гостями школы-интерната были всемирно известные ученые. Они проводили мастер-классы, научные конференции. Навсегда в памяти выпускников школы-интерната остались встречи

Нико Мухелишвили с педагогическим коллективом школы

со знаменитыми академиками, почетными членами многих академий мира, основателями новых направлений и школ в физике и математике Андреем Колмогоровым, Александром Самарским, Олегом Белоцерковским, Андреем Тихоновым, Сергеем Курдюмовым. О подобных встречах студенты и преподаватели многих вузов могли только мечтать. Быстро растущий авторитет физико-математической школы-интерната во многом был обязан, конечно, безусловному авторитету и исключительным личным качествам учителя, Педагога, безгранично любившего созданную им школу и ее воспитанников. Это чувствовали все без исключения – и ученики, и педагоги. Даже простое общение с Варламом Николаевичем воспринималось как урок нравственности, запоминающийся надолго.

Рассказывает бывший воспитанник школы, доктор физико-математических наук, профессор Темур Чилачава.

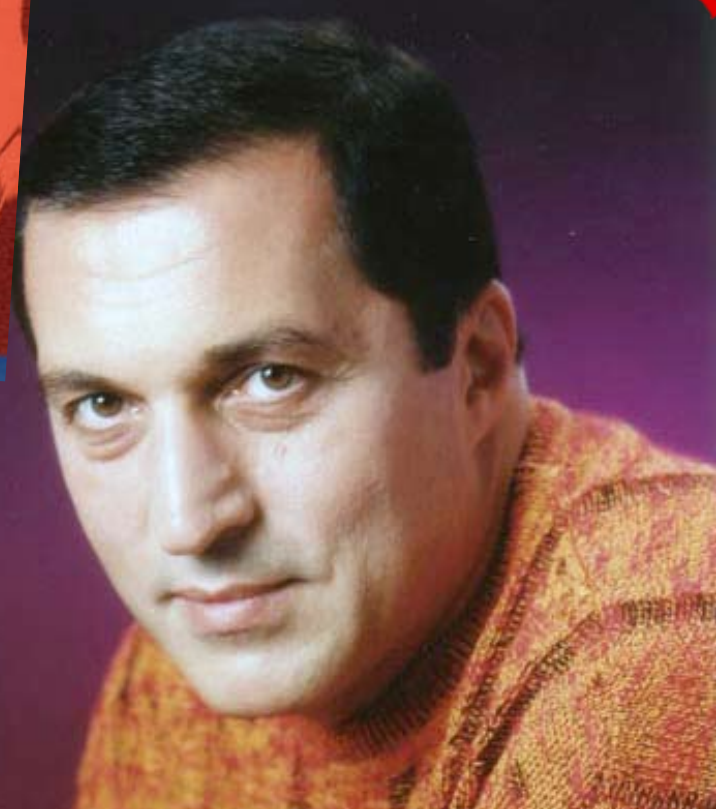
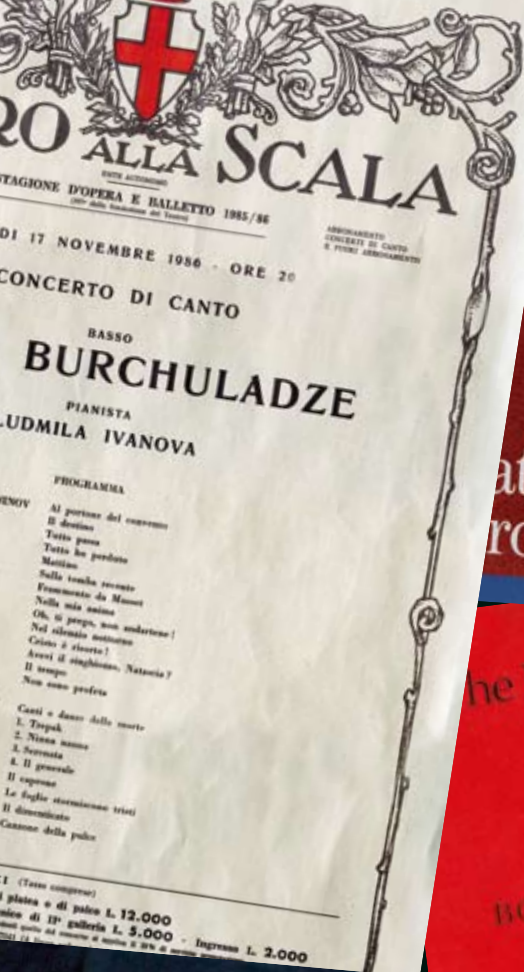
«После окончания школы с золотой медалью по совету Варлама Николаевича я поступил на механико-математический факультет. В 1993 году после трагических событий в Абхазии мне пришлось покинуть родной дом, и среди немногих вещей, которые удалось захватить, была фотография моего выпускного класса и нашего безгранично любимого педагога и директора Варлама Николаевича Меладзе. Он стал

не только для меня, но и для многих поколений «комаровцев» самым дорогим человеком, путеводителем в жизни, примером профессионализма, а также огромной любви к делу, без которой ни в одном начинании невозможно достигнуть большого успеха».

О нравственных и профессиональных уроках Варлама Николаевича вспоминает профессор математики Мераб Тхелидзе: «Мне уже семьдесят лет. Могу сказать, что прожил интересную жизнь. И самые яркие вехи – мои учителя: школьные, университетские, научные руководители, а позднее – старшие коллеги. Но, пожалуй, самый большой и бесценный вклад в мою судьбу внес Варлам Меладзе. Вспоминаю первые дни своей работы в «комаровской» школе-интернате. Мне 27 лет, я пока что только аспирант и, конечно, преисполнен гордости, что меня удостоили чести стать членом такого прославленного коллектива. Работаю всего несколько недель, педагогического опыта, можно сказать, никакого. Веду урок в 9-м классе – входит комиссия из министерства в сопровождении нашего директора и его заместителей. Варлам Николаевич объяснил, что комиссия хочет посетить обычный, ежедневный урок. А слава об уроках школы давно уже разнеслась по Грузии. Я так растерялся, что не помню, как провел урок. Это был полный провал. Наконец, спасительный звонок. Все смотрели на Варлама Николаевича – как он оценит урок. Меладзе подошел ко мне, пожал руку и сказал: «Прекрасный урок!» Так же поступили и все члены комиссии. Но на сердце у меня было тяжело – я-то знал, что случилось. На следующем уроке срочно вызывают меня к директору. Захожу в кабинет, директор приглашает меня сесть и вдруг раздражается: «Это что за урок у тебя был! Да это даже собеседованием назвать нельзя! Я не хотел выставлять тебя перед комиссией дураком!..» Все мои амбиции разлетелись в осколки – стыдно было необыкновенно. И вдруг он встал, положил мне руку на плечо и сказал: «В твои годы я и половины не знал того, что ты знаешь и умеешь. Бог одарил тебя педагогическим талантом – береги его и развивай. Я помогу тебе. А сейчас – быстро на урок!» Я проработал рядом с Варламом Николаевичем более десяти лет, и это время для меня бесценно накоплением опыта не только профессионального, но и нравственного. Спустя много лет я пришел к своему постаревшему и уже очень больному педагогу, наставнику, другу, чтобы подарить свою книгу, которую когда-то он посоветовал мне написать. Я работал над этой книгой двадцать лет и посвятил ее Варламу Николаевичу. Сказал, что буду счастлив, если он просмотрит ее и сделает свои замечания, которые очень ценны для меня. Он сидел в кресле, листал мою книгу, а когда поднял голову, я увидел – мой любимый учитель плачет... Да, выдающийся человек и педагог встретился мне в жизни! И я благодарен богу за это!»

Сегодня меладзевские традиции продолжают его ученики, ставшие профессорами. По словам профессора Гелы Манелидзе, директора его школы (она сейчас называется 199-й публичной школой-пансионом им. Комарова), педагоги гордятся успехами своих учеников не только в Грузии, но и на международной арене. Растет новая научная смена.

Виктория ПОПОВА

ЩЕДРЫЙ ТАЛАНТ

Когда пытаешься дать определение чему-то самому-самому, как правило, всегда случаются передержки и натяжки. Любые превосходнейшие степени, превозносящие одну персону, вызывают известную долю здравого сомнения.

Но если попробовать назвать имя грузина, современного и состоявшегося, прославленного и востребованного, располагающего к себе и излучающего доброту и обаяние, и, наконец, грузина, на чьей репутации нет ни малейшего пятнышка, то имя, которое первым приходит на ум, - это Паата Бурчуладзе.

Он идеальный пример нашего соотечественника-современника. Во всяком случае, такого, каким его хотелось бы видеть: умника и труженика, человека безо всякого налета азиатчины, но сохранившего исконный национальный колорит, человека, который может положить себе в карман весь мир, но предпочитает опустошать свои карманы, чтобы поддержать этот мир, человека, который не завоевывает землю своим талантом, а использует свой талант для того, чтобы что-то подарить этой земле.

Бурчуладзе - человек гордый, но гордыня чужда ему. Он добр, и доброта его не умозрительна, а созидательна. Он отзывчив, и отзывчивость его не избирательна. Наконец, он одарен, и дар его не только мощный, но и светлый. Его голос - достояние родины и мира. «Борис Годунов», «Фауст», «Риголетто» в его исполнении - это уже классика вдвойне, классика музыки и классика исполнения.

Для Пааты Бурчуладзе радостнее делиться, чем радоваться в одиночестве, отдавать естественнее, чем брать, помогать необходимее, нежели получать помощь.

Когда он приехал на родину в 2003 году, более всего его потрясло то, что в Грузии появилось очень много детей-сирот, бездомных – по всей территории страны в приютах живет более пяти тысяч детей... Что может сделать человек искусства в такой ситуации? «Я понял одну простую вещь, - объясняет Бурчуладзе, - человек должен обязательно, кроме своего дела, совершить еще что-то хорошее». И он создал благотворительный фонд «Иавнана», деятельность которого на сегодняшний день превратилась в серьезное движение, объединившее коллег - друзей певца со всего мира. В России и Грузии, в Израиле и Испании фонд Бурчуладзе постоянно проводит благотворительные вечера и концерты. Благодаря помощи фонда дети из детских домов получают возможность вернуться домой, к родителям, которым было не на что растить своих детей. На воспитание ребенка родителям выделяются специальные суммы, тем, у кого нет жилья, оно приобретается. Деньги на это требуются очень немалые, но творить благие дела для Бурчуладзе уже стало естественной необходимостью, повседневной потребностью – это как дышать, как пить... Более того, великий бас считает для себя задачей номер один «помочь детям, поставить их на ноги».

Паата Бурчуладзе очень привязан к своей родине. Это отношение смелое и здоровое. Его патриотизм заключается в его сердце и делах - серьезных, значимых, масштабных, в таких, какими и должны быть настоящие дела. Именно потому, что «делать добро»

Во время венчания

С Чабу Амирэджиби

и «жить», «помогать» и «петь» - это для Бурчуладзе равновеликие понятия, ему не приходится колебаться в непростые моменты политических потрясений. Так случилось и после трагического августа 2008 года – Бурчуладзе просто остался Бурчуладзе. Он не спешит судить и осуждать, он вообще не считает себя вправе это делать. Он очень хорошо понимает, в чем предназначение культуры, тем более, в эпоху разногласий, войн и бедствий и особенно, если речь идет о двух истори-

чески и духовно связанных странах: «То, что произошло, - это то же самое, когда муж с женой расходятся. Оба виноваты. Легче всего начать исправлять сложившуюся ситуацию людям искусства. Они сохраняют ту любовь, которая была всегда между русскими и грузинами. Мне кажется, отношения должны были восстановиться еще вчера. Но почему-то это самое вчера никак не наступит... А люди искусства должны гасить огонь, их дело – подливать воду в пожар, а не носить с собой канистру бензина. У каждого есть его совесть – пусть каждый с ней и посоветуется...»

Тема взаимоотношений России и Грузии для людей искусства особенно болезненна, ведь искусство – это именно то, что было основой основ, оплотом любви и дружбы между двумя народами, той самой духовной нитью, которая казалась и была крепкой, неразрывной, связующей навеки. Не потерять веру в это, отделить зерна от плевел, временное от вечного, сиюминутное от непреходящего – в этом и видит Бурчуладзе задачу артиста и смотрит на происходящее с тем спокойствием и уверенностью в правильности и праведности своего пути, которые и отличают человека талантливого, честного и бесстрашного: «Уверен — пройдет год-другой, и наши политики пожмут друг другу руки, договорятся. Их размолвка — это секунда в истории наших народов. Но людям потом понадобятся годы, чтобы они пришли в себя, чтобы загладились рубцы в сердцах... Вот почему в этот напряженный для России и Грузии период считаю важным чаще бывать в России, давать больше концертов, чтобы люди поняли: кроме политики есть еще многое другое, что связывает наши народы».

Бурчуладзе – желанный гость в любой стране, и в любую страну он едет без колебаний, потому что он спешит не к правительствам, а к людям, поет не для президентов, а для зрителей. Ну а уж если его просят откликнуться на призыв о помощи, то в ответе Бурчуладзе сомневаться не приходится. К примеру, он не раздумывая приехал в Москву и спел на Соборной площади, где состоялся благотворительный концерт в пользу нуждающихся детей, ведь дети не могут быть заложниками политических игр.

В январе нынешнего года – а это год его 55-летия – Паата Бурчуладзе под эгидой фонда «Иавнана» организовал концерт оперных звезд в Тбилиси. В Грузии прилетели выдающиеся оперные певцы, друзья Бурчуладзе – баритон Амброджио Маэстри, тенор Марчелло Альварес и сопрано Мишель Крайдер. В концерте приняли участие оркестр и хор Тбилисского театра оперы и балета под руководством Зазы Азмайпарашвили.

Концерт, транслировавшийся в прямом эфире, стал благотворительным марафоном, в котором приняла участие вся Грузия. В связи с трагедией на Гаити первоначальные планы, само собой, изменились, и вырученные средства были направлены на помощь детям, пострадавшим от катастрофического землетрясения.

К своему дню рождения Паата Бурчуладзе получил на родине несколько действительно дорогих подарков, самые ценные из которых - это неизменное восхищение своих благодарных поклонников и их единодушная поддержка во всех его благотворительных начинаниях. Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, который присутствовал на марафоне в Большом зале Тбилисской филармонии, поблагодарил всех участников этой акции и поздравил певца с юбилеем. «Мы высоко ценим заслуги Пааты Бурчуладзе перед нашей нацией, и он награждается высочайшей наградой - золотым орденом Святого Георгия. Орден будет вручен ему в Храме Святой троицы в торжественной обстановке», - заявил Патриарх.

Паата Бурчуладзе называет себя «европейским грузином» и признается, что ему комфортнее жить в Европе, но без отрыва от родных корней. Это здоровый смысл и ясный взгляд на жизнь. Только при таких составляющих и возможно вдохновенно, не отвлекаясь на неважное, работать на радость слушателю и во славу родины.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

С того дня, когда 17-летний юноша ошеломил приемную комиссию вокального факультета Тбилисской консерватории куплетами Мефистофеля, прошло почти 38 лет. Сегодня Паата Бурчуладзе отмечает свое 55-летие. Много это или мало? Уже это или еще только? При всех обстоятельствах это прекрасная дата – века для того, чтобы оглянуться назад, а затем посмотреть вперед.

Думаю, что Бурчуладзе должен быть абсолютно счастлив, потому что его редкий природный дар реализован сполна. Взлет его карьеры был стремителен, но так естественен, что поневоле задаешься вопросом – он ли сделал карьеру ил карьера делала его? Обратные связи здесь и в самом деле были сильны и органичны – каждый успешный шаг подготавливал последующий, еще более успешный. Главное же бесчисленные триумфальные гастроли, спектакли на лучших оперных сценах мира с выдающимися певцами и легендарными дирижерами. Все то, что так обещающе просматривалось в конгломерате феноменальных данных Пааты, выпестовывалось и развивалось в общении с большими музыкантами, определявшим лицо мировой оперной элиты. Сегодня Бурчуладзе – сам лицо этой элиты, один из лучших ее представителей.

Но говоря о состоявшемся художнике Бурчуладзе, надо отметить и то его человеческое качество, о котором надо говорить почтительно, но внятно и громко – Паата Бурчуладзе человек веры и нравственности. Благотворительная деятельность учрежденного им фонда дала возможность множеству обездоленных людей обрести кров, стипендия Бурчуладзе облегчила жизнь талантливым студентам – вокалистам, ветераны сцены ощутили заботу и тепло... Такая активная причастность к сложной судьбе своей страны есть проявление ответственности за нее.

Итак, нашему певцу 55. Дорогой Паата! Ведь это расцвет, впереди еще долгие годы пения и музыки, нашего радостного и благодарного общения с тобой! 38 лет назад куплетами Мефистофеля ты дал обещание служить своему дару и прекрасной профессии певца. И Тбилисская консерватория шлет своему почетному профессору, своему воспитаннику, не обманувшему ожиданий своих учителей и сдержавшему свое обещание, свою верную и гордую любовь.

Ламара ГОГЛИЧИДЗЕ

Паата Бурчуладзе – особое явление в грузинской культуре. Избранное имя в музыкальном искусстве нашей нации. Сильнейший и красивейший голос, отточенное мастерство, рафинированный интеллигент, непосредственность чувств, многоцветье эмоций, изумительное сценическое обаяние – краеугольный камень артистической индивидуальности Пааты Бурчуладзе, способствуют созданию полнокровных сценических образов в произведениях грузинской, русской или западной классики и современных композиторов.

Исходя из современных реалий, можно утверждать, что Паата Бурчуладзе принадлежит к числу самых ярких мировых звезд. Мы гордимся уникальными дости-

жениями, тем, что до покорения мировых сцен именно в нашем театре сделал первые шаги в профессиональной карьере будущий всемирно известный бас.

Гордимся и тем, что в своей деятельности он никогда не изменял тбилисскому оперному театру, напротив, по мере возможности часто выступает на нашей сцене и выступает не только сам, но с друзьями – вместе с выдающимися мастерами мирового вокального искусства, и балует нашу общественность их живым пением и счастьем лицезреть.

Паата Бурчуладзе принадлежит к числу счастливых творцов, любимых народом, а эта любовь – самая дорогая награда для творческого работника.

Батоно Паата, сердечно поздравляем Вас со знаменательной датой – 55-летием со дня рождения. Поздравляем с таким же искренним сердцем и чувством, которое Вы испытываете к родине и родному народу.

Тбилисский государственный театр оперы и балета им.З.Палиашвили

Паата Бурчуладзе!

Этот мировой бас Паата, вы только посмотрите, каким талантом награжден, что только ни делает:

уговорить безвозмездно в Тбилиси признанных всем человечеством деятелей искусства, и доставить тем самым им же и слушателям удовольствие, равно-го счастьем, это ли не свидетельство гения, кто оспорит мое мнение?

Обладателю баса столько раз спеть «Иавнану» обделенным заботой детям не только самому, но и построить на денежную поддержку певцов других народов, в том, что и для этого требуется гениальность, не думаю, что кто-то поспорит со мной.

На этой усеянной миллиардами планете утвердиться первым басом может только талант равный гениальности и в этом мнении меня никто не оспорит.

И наконец, присланные тобою, украшенные твоим же портретом две бутылки «Цинандали», несмотря на близкий к 90-летию возраст, я должен выпить за твое здоровье и этого никто мне не запретит.

Живи долго и прославляя нас, великий художник и щедро наделенный талантом человеком.

Чабуа АМИРЭДЖИБИ

Батоно Паата!

Примите мои искреннейшие поздравления с днем рождения.

Вашему искусству аплодирует мир. Ваш талант, тембр красивого голоса, профессионализм принадлежат не только нашей родине, но миру, избранному слушателю, кто знает цену оперному искусству, кто аплодирует профессиональному исполнителю, блестящему басу.

Пусть долго, очень долго звучат ваш уникальный бас со сцен известных оперных театров мира и аплодисменты, любовь народа будет для вас самым дорогим сокровищем среди сокровищ.

Ваш мравалжамиер пусть будет способствовать Грузии.

Да хранит вас Бог, аминь!

Георгий ГАГНИДЗЕ Германия

«Русский клуб» присоединяется к многочисленным поздравлениям юбиляра - гордости грузинской культуры.

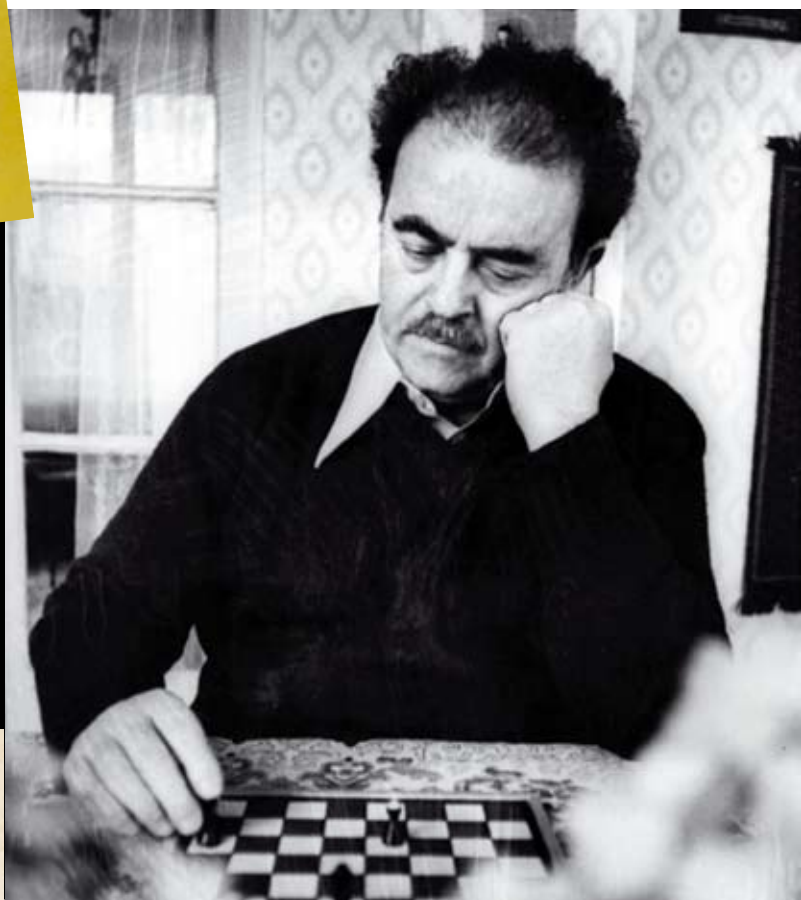

ВОТ ПРИШЕЛ ВОЛШЕБНИК

АЛГОРИТМ ПОИСКА

3 августа 1977 года программисты отметили событие. Создаваемая во ВНИИ электроэнергетики и двух московских вычислительных центрах шахматная программа «Пионер» решила сложный этюд грузинского композитора Гии Надареишвили. Произошло это за несколько дней до начала второго чемпионата мира среди компьютеров. Приглашенный на этот небывалый форум, но не воспользовавшийся этой возможностью «Пионер», хотя и не учитывал в полном объеме опыт поколений шахматных мастеров, но был на верном пути. В то же время в далеком Миннеаполисе компьютер «Сайбр 176» не справился с заданием консультанта отдела программирования «Контроль дейта корпорейшн», машины которой использовала

Гиа Надареишвили

американская программа «Чесс 4.6». Электронный шахматист нашел первые два хода за белых этюда Надареишвили, затем перебрал около миллиона ходов, но до правильного так и не додумался. Впрочем не стоит его судить слишком строго. Турниры быстродействующих компьютеров с программой моделирования мышления шахматного мастера только по форме можно отнести к спортивному соревнованию, они преследуют в первую очередь научные цели. Вот почему руководители программы рассмеялись над оказавшейся в затруднении машиной. Этюд романтика шахмат был слишком человеческим, а это пока компьютеру чуждо.

Пять десятилетий отданы им любимому делу, а если вспомнить, что Гиа Антонович основой своей деятельности считал медицину, сочетая врачебную

практику с научной работой, надо признать: немногие способны на такое подвижничество.

Обращение его в рыцари шахматного искусства произошло в довоенные годы, когда в город Сенаки приехал тбилисский шахматист Серго Канкава. Гость познакомил юношу со знаменитым этюдом Алексея Троицкого, где белые приносят на алтарь победы ферзя, слона и объявляют конем эффектный спертый мат. Такое неуважительное обращение с монархом восхитило Гию. Его тбилисский друг не подозревал, какой пожар зажег в душе юноши этот шедевр. Отныне он охладил к практической игре, где создание полноценного художественного произведения зависит от квалификации соперника. Из-за одного слабого хода, маневра самый эффектный замысел может сгореть бенгальским огнем.

В шахматной композиции Надареишвили нашел область, где ничто не мешает самовыражению автора. С первых шагов на новом поприще он отдавал себе отчет, за какую тяжелую ношу брался. Чтобы изваять скульптуру из камня, надо от него отсечь лишнее. Это изречение великого ваятеля относится ко многим видам искусства. Умение ограничения, достижение цели минимальными средствами, экономичность – вот аттестация большого мастера. Этими качествами был щедро награжден художник шахмат Надареишвили. Он скоро понял, что вряд ли найдется чудак, задавшийся целью подсчитать возможные комбинации на шахматной доске, занятие столь же безнадежное, как попытка удить серебристую луну в водах реки. Но одного знания было мало, предстояло найти свою тему.

Более полувека назад шахматный мудрец Эмануил Ласкер, иллюстрируя мысль об эстетическом элементе в древнейшей сложнейшей игре, прибегнул к аналогии. Библейский Давид, будучи ростом не больше любого из нас, вызвал на единоборство великана Голиафа, поразив его камнем из пращи. Победа разума над грубой силой отражена в кристально чистой форме в самом известном этюде Надареишвили.

Это было внезапное озарение, как вспышка молнии. Он шел домой после трудного рабочего дня в больнице, и вдруг, нарушая ход привычных мыслей, выплыла из памяти позиция, та самая, к которой он шел многие годы. Он вбежал в комнату, едва успев сбросить плащ, и, роняя фигуры, расставил эту позицию. А потом долго не верил своим глазам: почти пустая доска, белые фигуры максимально удалены от короля, но столь же удивительно их взаимодействие. Восходящая своими истоками к старинным манускриптам, позиция словно умылась живой водой, отмеченная печатью новизны. Эти два красавца коня, оказывающие стойкий отпор заносчивому черному ферзю!

Он тогда назвал ее «Мхедрули» (всадник, конь – груз.), взяв патент на это удивительное произведение, и позднее разработал несколько других этюдов с лихой конницей – материалом, где выражена ласкеровская мысль о победе разума над силой, победе слабой стороны. Вывод, противоречащий, казалось бы, здравому смыслу, но взятый на вооружение Надареишвили, на щите которого отныне будет парадоксальный девиз «Пусть победит слабейший!»

Нравственная сторона этих этюдов не могла не нравиться. Душевная мягкость, нетерпимость к лю-

бым проявлениям несправедливости Гию Антоновича была заложена в самой природе его врачебной деятельности. Он уже в студенческую пору познал сладость славы, увидев опубликованными первые свои шахматные композиции. А потом молодой врач проводил до пятнадцати часов в сутки в эвакуогоспиталях, возвращая раненых в строй. Мечту о шахматах пришлось отложить до лучших времен. Именно в декабре сорок четвертого был им найден синдром боязни высоты при каузалгии, позже описанный при спинной сухотке, чрезвычайно редкий в мирное время, и вошедший в капитальное руководство «Хирургия».

Заслуженный врач Грузии, заведующий нервным отделением клинической больницы Тбилисского государственного института усовершенствования врачей, он выполнял обязанности главного невропатолога Тбилиси, равно трудные и почетные. Значительны его достижения в невропатологии, он имел десятки публикаций. Кто мог поручиться, что клиницист-невролог сказал свое последнее слово в медицине?

В час сомнений он призывал на помощь шахматы, и это малое воинство совершало чудо на доске.

В своей деятельности люди используют два типа алгоритма – алгоритм управления и алгоритм поиска алгоритмов управления. Так предполагал выдающийся советский шахматист, доктор технических наук, профессор Михаил Ботвинник. Экс-чемпиона мира связывала многолетняя дружба с международным гроссмейстером и международным арбитром по шахматной композиции из Тбилиси. Патриарх шахмат считал, что творческий процесс несомненно связан с алгоритмом поиска, на это способны далеко не все люди, но его грузинский друг, искатель и фанатик, чуждый практицизма, преждевременно снижающего работоспособность и сокращающего творческую жизнь, наделен был им сполна. С его точки зрения, труд композитора следует оценивать не по числу составленных им этюдов и не по среднему их уровню, а по вершине творческих достижений, достигнутых в лучших произведениях.

Ботвинник писал: «Вот почему мне хочется почтительно снять шапку перед Гией Надареишвили: лучшие его этюды... несомненно войдут навсегда в золотой фонд этюдного искусства».

Не менее эмоционален отзыв другого экс-чемпиона мира голландца Макса Эйве: «Несколько этюдов талантливейшего грузинского этюдиста фантастические и невероятные».

Вынужденный в военные годы отойти от составления композиций, Надареишвили затем с удвоенным аппетитом приступает к шахматному пиршеству.

Открытый чемпионат Грузии в первом послевоенном году привлек внимание международного гроссмейстера Пауля Кереса, который в остром соперничестве с международным мастером Владасом Микенасом занял первое место. Могучий эстонец, наследник силы легендарного Калева, сам тонкий знаток шахматной композиции и составитель оригинальных этюдов и задач, восторженно отозвался об этюдах молодого врача и рекомендовал лучший из них в журнал «Шахматы в СССР». Из этого авторитетного издания он попал в круг избранных – лучших этюдов за последние десять лет – в ретроспективный альбом ФИДЕ.

Так Гия Надареишвили первым из шахматных ком-

позиторов Грузии получил международное признание. Ценителей прекрасного можно отослать к его книгам, где представлены сотни собственных этюдов основоположника грузинского этюдного искусства (Надареишвили на протяжении десятков лет возглавлял республиканскую комиссию по шахматной композиции, судил крупные конкурсы, в том числе югославского журнала «Проблем» и отечественного еженедельника «64») и отражен его, единственного эксперта ФИДЕ по этюдам и члена постоянной комиссии, большой вклад в организацию многочисленных состязаний поэтов шахмат в Грузии и в целом по стране.

Это дало право латвийскому композитору Альфре-

этудистов – претендентов на звание международного гроссмейстера; оно стало формальным подтверждением высоты большого мастера. Его высокий авторитет подтвердил международный конгресс шахматных композиторов в Тбилиси (1975), одним из инициаторов проведения которого он был. Общение с лучшими композиторами мира пошло на пользу молодым грузинским составителям, а их признанный лидер мечтал о том времени, когда Тбилисский Дворец шахмат станет организационным центром композиторской работы. Этой цели он следовал, редактируя на протяжении многих лет альманах «Шахматы», оказывая шефскую помощь шахматному клубу «Мхедрули» в родном Сенаки и передав ему в дар значительную часть своей библиотеки.

Когда издательство «Физкультура и спорт» выпустило в 1982 году книгу Надареишвили «Этюд глазами гроссмейстеров», не имеющую аналогов в шахматной литературе, она подтвердила стремление автора рассматривать этюды, связывая их с интересами шахматистов-практиков, перекидывая мост между двумя разновидностями многогранного шахматного искусства. Приглашая 43 ведущих гроссмейстеров современности (одних чемпионов мира девять!), высказать свои симпатии и оценки знаменитых этюдных произведений, Надареишвили способствовал популяризации этюдной поэзии. Диву даешься, как ему удалось собрать под одной обложкой книги столь разных по творческому почерку и характеру людей.

Болезнь неумолимо подтачивала его здоровье, вынудила отказаться от поездки на конгресс шахматных композиторов в Голландии, а потом случилось непоправимое. Ушел из жизни художник шахмат. Остались его этюды и книги, отмеченные печатью яркой творческой индивидуальности.

Незабываемые впечатления, радость общения и сотрудничества с незаурядной творческой личностью.

Вот одна история.

«КУНАК КУНАКУ ЕСТЬ БРАТ...»

В январе шестьдесят седьмого в редакцию газеты «Вечерний Тбилиси» пришел немолодой человек с добрыми глазами волшебника. Так я впервые увидел классика отечественного этюда Александра Гербстмана. Привели его в Тбилиси обязанности арбитра международного конкурса по составлению этюдов «Шахматная Руставелиана». Под этим названием конкурс и вошел в историю шахмат, став

составной частью программы юбилейных торжеств по случаю 800-летия рождения Шота Руставели.

Был ли знаком с шахматами творец «Витязя в тигровой шкуре»? Прямых указаний на этот счет не сохранилось, но многочисленные афоризмы Руставели дают право это утверждать. И самый известный – «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Не правда ли, полное впечатление от шахматного сражения? Вспоминаю советы доброхотов во время претендентских матчей на первенство мира 16-летней Майи Чибурданидзе, в надежде, что я их доведу до

С Михаилом Ботвинником. Тбилиси, 1972

ду Домбровскису утверждать, что у шахмат Грузии, подобно Эльбрусу, есть две вершины – прославленные шахматистки и этюдная композиция.

Выдающегося творческого успеха Надареишвили добился на XII чемпионате СССР, победив в разделе этюдов. Не раз он был на близких подступах к цели, и вот наконец вершина покорена. Семьдесят призов республиканских, всесоюзных и международных соревнований насчитывала к тому времени личная коллекция Надареишвили, но последнее достижение самое крупное. У него был самый высокий рейтинг среди

сведения Эдуарда Гуфельда, тренера будущей чемпионки мира. «Смените пластинку!» – требовали они отказаться от староиндийской защиты в финальном матче с Аллой Кушнир, не зная еще, что именно «староиндийка» станет одной из составляющих победы. Но довольно о скептиках.

Более интересным представляется свидетельство поэта Иосифа Гришавили в «Литературной богеме старого Тбилиси»: издревле в Грузии приданое невесты включало «Витязя...» и комплект шахмат.

Отдавая дань традиции, редакция «Вечернего Тбилиси» и Федерация шахмат Грузии объявили международный конкурс в честь Поэта поэтов. Участвовать в нем пожелали этюдисты Австрии, Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Швеции... Пришло даже письмо из Индии, родины шахмат. Наиболее полно были представлены хозяева – прекрасно выступившие шахматные композиторы Грузии. На суд жюри (А.Гербстман, Г.Надареишвили) поступило небывалое в истории этюдных соревнований количество произведений – 230 от 170 авторов. Высокий уровень конкурса определили богатство ярких идей, отличная разработка ценного наследия прошлого, и конечно же, отменное судейство. Кстати, уже через год коллективный этюд Александра Гербстмана и Гии Надареишвили – творческая разработка идеи победителя конкурса ленинградца Леонида Митрофанова – с фантастической жертвой ферзя – занял первое место на конкурсе «Шахматной Москвы».

Гербстман не скрывал радости, приехав в очередной раз в Грузию. Ведь он учился в Тбилисском университете и, участвуя в 1919 году в первом студенческом шахматном турнире, занял второе место. Его нынешний приезд совпал с чемпионатом СССР, и он с удовольствием посещал малый зал Руставели, болея за Василия Смыслова, и не потому что тот самый старший среди участников, а потому что тоже был этюдистом. Сам Гербстман еще в 1928 году, в 28 лет, завоевал первый приз национального шахматного союза США, став впоследствии глубоким исследователем и теоретиком шахматной композиции. В 50-х годах решением ФИДЕ в числе первых ветеранов шахматной элиты удостоен звания международного арбитра и международного мастера. Доктор филологических наук и профессор Ленинградского университета, автор шахматных книг, он хранил в памяти любопытные истории и щедро делился ими со слушателями. Докторскую защитил по пушкинским автографам «Евгения Онегина». «Как вы думаете, – сказал он мне, – мог бы я написать диссертацию, не обладая памятью шахматиста, и, прежде всего, зрительной?»

В 1924 году Александр Иосифович, выпускник Высшего литературного института имени Валерия Брюсова, гостил в Тбилиси, часто бывая во Дворце искусств, нынешнем Союзе писателей Грузии. Он встретил здесь другого гостя из России – Сергея Есенина, посвятившего товарищам по чувству и перу – «голуборожцам» стихотворение «Поэтам Грузии», впервые опубликованное 23 ноября 1924 года в газете «Заря Востока». Сам чувствовал себя просветленным, так много и легко писалось, что в жизни случалось очень редко.

Пребывание в Тбилиси вызвало у Есенина не только приятные воспоминания. Проезжая по ремонтуемому Михайловскому мосту, поэт уронил в пролом портфель с документами. Есенин собирался

выехать в Батуми в декабре и без паспорта был как без рук. Друзья – Тициан Табидзе и Паоло Яшвили написали автору книги «Москва кабацкая» справку, удостоверяющую, что податель ее действительно является русским поэтом Сергеем Есениным и заслуживает всяческой поддержки и помощи. Поручительство братьев по писательскому цеху вполне заменило паспорт. Тициан и Паоло прятали от неждан-

Александр Гербстман

ных ночных визитеров оставшегося без документов русского друга, закатав его в ковер.

Поездка Есенина в Батуми оказалась плодотворной, вызвала к жизни поэму «Цветы», стихи «Письмо к деду», «Метель», «Весна», «Батум», часть стихотворений цикла «Персидские мотивы» (Шаганэ!), которые сам поэт считал лучшим из всего им написанного.

Вот какие удивительные истории рассказал старый петербуржец на празднике поэзии Руставели. И позже, в 1970 году, когда судил (вместе с Важей Неидзе) объявленный редакцией «Зари Востока» и Федерацией шахмат всесоюзный конкурс в ознаменование 150-летия со дня рождения Николоза Бараташвили. И название конкурса этюдов – «Мерани», взятое нами из известного стихотворения, стало «флагом» творческого соревнования, отражало литературные вкусы и привязанности организаторов. Всего поступило около 120 произведений от 76 авторов из 65 населенных пунктов Советского Союза. «Мерани» завершился громкой творческой победой Гии Надареишвили, который разделил 1-2 призы (на равных) с москвичом Александром Казанцевым, известным писателем-фантастом.

Больше с Александром Гербстманом я не встречался. В 1980 году он переехал на постоянное жительство в Швецию и через два года умер в Стокгольме, оставив о себе добрую память и сборник своих избранных этюдов с автографом. Напоминает мне о юбилейных днях Руставели и Бараташвили и Почетная грамота Спорткомитета Грузии «за организацию и образцовое проведение» обоих конкурсов, полученная мною из рук заместителя председателя спорткомитета Вахтанга Балавадзе.

Арсен ЕРЕМЯН

АНДРО ЕНУКИДЗЕ – РЕЖИССЕР-ИНТЕЛЛЕКТУАЛ, ЧЕЛОВЕК, ОБЛАДАЮЩИЙ ОСТРЫМ АНАЛИТИЧЕСКИМ УМОМ И ГЛУБОКИМИ ЗНАНИЯМИ. ЕГО ХУДОЖНИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ ТОЧНО И НЕОЖИДАННО... ВСТРЕЧА С ЕГО СЦЕНИЧЕСКИМИ СОЗДАНИЯМИ ВСЕГДА СУЛИТ РАДОСТЬ СОПРИКОСНОВЕНИЯ С НАСТОЯЩИМ ИСКУССТВОМ.

СЕГОДНЯ АНДРО ЕНУКИДЗЕ ДЕЛИТСЯ СВОИМИ МЫСЛЯМИ О ПРОФЕССИИ РЕЖИССЕРА.

КАК РАСКРУТИТЬ МАГИЮ ТЕАТРА

- Для меня, как для всех нормальных тбилисских детей, все начиналось с посещения ТЮЗа, театра Руставели, который находится недалеко от моего дома. Сцена в моем представлении была пространством свободы. Существовали какие-то очень четкие взаимоотношения театра с властью - с двойными стандартами, можно было обманывать власть, показывать кукиш в кармане. Все казалось очень прочным, однозначным, и было совершенно ясно, что можно и чего нельзя. Было понятно, что режиссер – лидер, что он чем-то руководит. Мне казалось, что руководить вне сцены гнусно, что это служение какому-то партикуляру. Ведь невозможно руководить, не подчиняясь целостной системе вертикали власти. Что происходит и сегодня. А сцена? Ну, в крайнем случае, поцапаешься с директором театра... Сцена – это свобода мнения, попытка из своих сомнений, заблуждений, ощущений создать какой-то свой мир. Я очень остро это ощущал... В юности мой внутренний мир был намного наивнее, искреннее, чем сейчас. С первых же своих опытов в мастерской Додо Алексидзе, потом – Темура Чхеидзе я честно пытался понять, о чем говорили со мной педагоги. Всегда стремился использовать метод, который мне предлагали. Ни один из методов не был для меня скучен или неприемлем. Я всегда старался найти определенный инструмент... В поиске этих инструментов – компьютер ведь не соорудишь молотком, нужна тонкая отвертка! – прошли первые десять лет. Потом какие-то инструменты набрались, позднее – надоели. Сейчас ищу какие-то новые, потому что пропало ощущение свежести. В принципе ты уже знаешь, как это делается, – как раскрутить магию театра. И тут начинаешь выдумывать себе какие-то новые горизонты, новый инструментарий, новые технологические задачи. Мне повезло, потому что в последнее время я работаю в очень разных театральных средах. Встреча с польским театром стала для меня большим событием в

Андро Енукидзе

жизни. Помню спектакль Тадеуша Брадецкого «Устав поведения польского дворянства при короле». Герои разыгрывали реальные ситуации, которые могли бы произойти при королевском дворе, показывали, как надо себя вести. В социалистической Польше это произвело эффект взрыва атомной бомбы. Когда в отношениях все выхолостилось и остался только товарищ секретарь ЦК, вдруг открылся иной пласт – шляхта, дворянство, правила поведения. Я тогда реально увидел, что если хорошо придумать, можно и телефонную книгу сыграть. Главное – понять, для чего ты это делаешь. Мне тоже хотелось после увиденного спектакля поставить комсомольский устав, но потом я понял, что это плагиат. Хотя по большому счету СССР до сих пор не разрушен. Просто кто-то стал нагло богатеть, а другим все как было нельзя, так и сейчас нельзя. Очень полезен был для меня польский опыт. В Польше я попал в среду актеров, с которыми работали такие личности как Тадеуш Кантор, Ежи Гротовски. Ставил в Ополе, во Вроцлаве. Можете представить техническую оснащенность актеров, если они год репетировали с Гротовски! Помню свою первую репетицию, когда я рассказал актерам, чего хочу. Они задумались... Это было первое представление некогда потерянной пьесы Казимежа Вежинского «Товарищ Октябрь». По степени значимости футурист Вежинский –

что-то вроде Андрея Белого. Очень хороший поэт из числа тех, кто искренне ненавидел Российскую империю, сидел в лагерях. Там он написал пьесу о Советском Союзе. Она была найдена через 45 лет в США и оказалась настолько наивной и дикой, что никто в Польше не удосужился ее поставить, а мне вот удалось придумать под нее какой-то прием. Зная, что ставить будет режиссер из бывшего Союза, актеры с неохотой пришли на первую репетицию. Послушав меня, вдруг оживились. На второй день пришли, что-то попробовали, а на третий сыграли мне весь спектакль. А я сижу и думаю: «А дальше как? Я же все поставил, что хотел. Они же все могут!» Еще несколько дней я продолжал мучиться, выдавливая из себя какие-то идеи. Заметив мои мучения, актеры успокоили меня: «Нам нравится с тобой репетировать!» Они поняли, что во мне есть то, чего нет в них, и вытащили из меня какие-то идеи, но тем самым дали мне карт-бланш. Когда в процессе репетиций я заходил в тупик, то говорил: «Давайте посмотрим на этот конфликт глазами Рудольфа Штайнера!» Они кивали головами, но возражали: «Все-таки Юнг посмотрел бы на это интереснее!» Однажды меня пригласили на экзамен третьего курса отделения Вроцлавской театральной академии, занимающегося воспитанием актеров кукольного театра. Они играли спектакль «Оглянись во гневе» Осборна. Мне это очень понравилось. После спектакля я посерьезнел, начал что-то хвалить, делать какие-то замечания по поводу режиссуры. Они меня вежливо выслушали, а потом сказали: «Простите, у нас нет режиссера, это самостоятельная работа!» Я мало знаю в Грузии режиссеров, которые могли бы поставить такой спектакль, педагогов, которые могли бы воспитать актера таким образом, чтобы он мог мыслить структурно – учитывая самостоятельность работы.

На фестивале в Турции

Помимо технических навыков и вкуса, польским актерам прививают авторство профессии, чего так не хватало в советской актерской школе. Мне еще нравятся итальянцы, особенно северные. Когда я увидел последний спектакль Джорджо Стрелера, то понял, что есть актеры, которые за минуту могут выговорить две тысячи слов, причем все звучит понятно, сохраняется мелоди-

ка речи. Еще одна совершенно потрясающая школа.

- Все дело в школе?

- И в мировосприятии. Когда мы попали на семинар к режиссеру Анатолию Васильеву, то встретили там представителей разных народов. И Анатолий Васильев спросил: «А кто тут грузины?» И как повернулся в нашу сторону, так с нами и говорил. Когда между нами возникла доверительность, он сказал: «Все мои эксперименты в Италии проходят очень здорово, а вот в России... Что-то есть в русском актере прибитое, унифицированное, усредненное!» Поэтому он в восторге от своих «пиранделловских» экспериментов с итальянской труппой, а к своим воспитанникам, русским актерам, имеет колоссальные претензии. Анатолий Васильев в принципе пытался реформировать саму школу. Можно по-разному воспринимать его опыт, но с этической точки зрения мне кажется, это большой подвиг. Другое дело, что его, как это обычно бывает, не поняли. А мне его эксперименты очень интересны. Каждый настоящий мастер доводит свой опыт до абсурда, до чего-то, мо-

С артистами театра им.М.Эминеску. Румыния

жет быть, неудобоваримого, до абсолютной деструкции своей собственной структуры. Великий Гордон Крэг уперся в куклы, Станиславский начал ставить оперетты. А Ежи Гротовски исключил из театра самое главное – зрителя... Мой первый польский спектакль я поставил, когда мне было 28 лет. Вернувшись на родину, передал Роберту Стуруа приветы от его польских друзей и вскоре поставил на сцене театра имени Руставели, по-моему, один из лучших своих спектаклей «Счастье Ирины» Д.Клдиашвили - синтез великолепной стихии руставелевского театра с моими польскими ощущениями. Надо сказать, что второе мое сильное впечатление по этике театра, по чистоте театрального дела – это театр Руставели. Потому что в этом театре все происходит очень чисто – с творческим продуктом, абсолютно выкристаллизованным с точки зрения формы и существования актера на сцене. Там не бывает ни небрежности, ни неопрятности. Конечно, случаются ошибки, заблуждения,

как в каждом нормальном театре, но это всегда организовано в самом лучшем вкусе. Это был тоже очень серьезный опыт для меня. А потом пошел полный разброс – я стал ездить из одной страны в другую. Очень интересен мой опыт общения с русскими провинциальными актерами. Я работал в театрах Сибири, ставил в новосибирском «Старом доме». Это очень крепкие середнячки со своими «болезнями», проблемами. В Новосибирске я поставил «Ворона» Гоцци. Мне кажется, получилось совсем не плохо. В Омске же я осуществил постановку первой версии спектакля «Акулыкин муж» по мотивам «Записок из Мертвого дома» Достоевского. В Румынии я выпустил четыре спектакля - «Очень простая история», «Макбет», «Достоевский. ru», «Убийство Гонзаго». В румынском театре я могу поставить все, что хочу. Приятно сознавать, что в мире есть театр, в котором все можно.

- В котором тебе доверяют?

- Да. Хочу сказать и о своем турецком опыте – там я поставил «Макбета». Мне этот спектакль очень нравится. Когда массовка искренне рыдала по поводу смерти короля Дункана, я понял, что ни в одной стране мира такого происходить не может. Смесь этой наивной неопытности, искренности переживаний и веры в то, что делает режиссер, родила очень интересный спектакль – на мой взгляд. Правда, критика разбомбила его – им было непонятно, почему Макбет такой хороший, почему убийцы такие ухоженные, красивые, обаятельные. Меня обвиняли в том, что спектакль не дает ответа на вопрос, что такое зло. Критика в Турции в ужасном положении. Актеры, режиссеры более продвинуты, чем критики. На каком-то этапе развития Турция стала вкладывать деньги в искусство, и я уже вижу реальные продукты этой тяги к культуре. Один из меценатов поставил перед собой цель ежедневно выпускать по книжке, в которой будут опубликованы современные пьесы в переводе. Появились какие-то премии... Известный режиссер Ишил Кясаб оглу, долгое время живший во Франции и получивший там две «Золотые маски» за лучшие спектакли парижского сезона, поставил совершенно потрясающий спектакль – одну из версий мифа о Гильгамеше. Первые полтора года я занимался в Турции тем, что называется основой театральной школы. Мой студент Ешил Кайа, который был принят Робертом Стурра на первый в истории Турции режиссерский курс, стал руководить этим отделением.

- Как вы считаете, неожиданностей в театре сегодня мало?

- Мало. Осенью прошлого года в Тбилиси прошел международный театральный фестиваль. Он был хорошо организован, приехали замечательные коллективы, которые показали реальное состояние европейского театра.

- А мы выглядели на этом фоне театральной провинцией?

- В чем-то да. Дело не в отдельных успешных или неуспешных постановках. Реакция зрителей во время спектаклей была для меня довольно шокирующей, им нравилось то, что на Западе стало обычным явлением. А действительно необычное не воспринималось вовсе. Да, мы здорово отстаем, реально десять-пятнадцать лет варимся в собственном соку. Другое дело, что сама грузинская школа настолько сильная, жизнеспособная, темперамент грузина настолько театрален, что все это не дает грузинскому театру умереть, каким-то образом

он будет всегда конкурентоспособен. И сейчас мы конкурентоспособны. Хотя на фоне современного европейского театрального процесса однотонная гамма грузинской сцены выглядит бедно. Но если мы каждую из стран, которая была представлена, будем разбирать по косточкам, может быть, и там все выглядит очень даже однотонно. Нам всем понравилась версия «Шинели» Гоголя, а я видел таких спектаклей... 45 или 38. Чуть лучше, чуть хуже, но именно таких! Для меня этот спектакль – вовсе не новация. А вот Някрошюс все еще потрясает, потому что непонятно, из чего он вяжет свои спектакли, из каких ниточек. Вот что всегда здорово! У меня к этому фестивалю определенные замечания. Немного надоели элементы цирка в современном театре – минимум текста, минимум декораций, как можно больше музыки и движения. Для чего? Так это тоже коммерческий расчет – чтобы возить на фестивали. Все происходит под очень

Сцена из спектакля «Достоевский. ru»

конкретным коммерческим знаком. А мы немножечко устали от цирка...

- Говорят, настоящая режиссура начинается после сорока. А вы как считаете?

- Наверное, когда мне исполнится 50, я присоединюсь к этому мнению. Поверьте мне, Питер Брук был гораздо моложе, когда ставил свои замечательные спектакли. Просто в нашей профессии нужна мудрость. Это же колоссальная амбиция – собрать зал в среднем помещении, показывая им свою точку зрения. Конечно, твоя точка зрения должна быть не просто яркой, хлесткой по форме, заразной, убедительной, она должна быть как минимум умной – и в способе подачи, и в гуманистическом отношении. Искусство бывает вредным, поверьте. А особенно – масс-медиа. Когда я узнал, что после спектакля «Фуэнте Овехуна» люди шли на войну, мне стало немножко страшно! Вправе ли я призывать людей воевать? Не знаю... Каждый режиссер несет ответственность за свой выбор. Так что мудрость действительно нужна. «Нити времени» Питера Брука – очень грустная и правильная книжка. Вот где все очень мудро и поэтому печально. Мудрость и то, что мы называем «суета сует», стоят очень близко друг к другу. Наверное, у каждого режиссера бывает какой-то отрезок времени, когда физиологическая энергетика еще сильна, когда он

уже владеет чем-то своим, особенным, а еще что-то хочет и может – именно в этот период он и создает эпоху. А после 50-60 он в лучшем случае создает школы. Анатолий Васильев ставил «Серсо» и «Взрослую дочь молодого человека» в среднем возрасте, а сейчас пытается создать школу. Получится у него это или нет, неизвестно. То же самое происходит в театре Руставели, где мы видим много молодежи. Это попытка подтянуть под какие-то стандарты представителей нового поколения. Многие из них мои студенты, и я к ним очень нежно отношусь. Но мудрость – это хорошо. Мне кажется, самый продуктивный период для режиссера – до 55 лет. А потом нужно пытаться пожинать плоды и не стать хуже, чем ты был позавчера. Но самый сладостный, опьяняющий период – когда режиссер шаг за шагом покоряет новые вершины. И каждый выбирает свой маршрут...

- И каков ваш маршрут?

- Не знаю... Надо ведь еще семью кормить. Мне недавно предлагали снять сериал в 120 серий, но я отказался от этого проекта, собрав в кулак все свое мужество. Потому что понял, что на год выпадаю из театра. Я не могу себе позволить тратить самые золотые годы на телепродукцию. Этот жанр никогда не сможет стать искусством. Его тоже можно и нужно делать достойно, что я и пытался делать, но... задачи не те. Они заведомо рассчитаны на ширпотреб.

- Расскажите о своих мечтах, задумках...

- Часто великие пьесы мне бывают неинтересны, а какой-то пустячок вдруг вызывает во мне отклик... Есть две-три задумки, которые я надеюсь осуществить. Одна из них – «Каин» Байрона. Помню, как я зарабатывал деньги на рекламе и вкладывал их в спектакли, с которыми мы разъезжали по разным фестивалям с группой студентов – например, «Войцек». Его я поставил в Свободном театре. Интеллектуалам

С Гражиной Барщевска

понравилось, а не интеллектуалам стало скучно.

- Ваш зритель – интеллектуал?

- Не только. Были у меня спектакли, на которые валом валил зритель – например, «Счастье Ирины». Все зависит от того, насколько ты смог заразить зрителя своим психосоматическим состоянием, биологической энергетикой... А когда зрители одновременно плачут и смеются на одном спектакле, это вообще

здорово. Так ставили Попов, Дикий. Петр Фоменко потрясающе сделал «Три сестры», где смешное и грустное рядом. Вообще всякий серьезный режиссер, да и актер тоже, должен понимать, что не ты в гостях у зрителя, а он пришел к тебе в гости. И в каждом доме своя конституция, свои правила игры. И совершенно не обязательно лебезить перед зрителем. Можно швыряться футуристическими оплеухами. Главное – делать это со вкусом. Нужно вычислить ту технологию, по которой зритель это выдержит... А можно и хвалить зрителя, как это делает Панталоне в любой комедии дель-арте. Условия общения со зрителем – это наш авантаж. Не хотите – не смотрите, бог с вами.

- Какой ваш любимый жанр?

- Любой, я всеядный. Одно я знаю точно: на данном этапе смог создать свою модель рассказа на сцене. Много ли это? Наверное, нет. Но в любом случае я знаю, куда иду. Понятно, что на моем пути много компромиссов, с которыми пытаюсь справиться достойным образом, не потеряв уважения к самому себе. Компромисс лежит в основе нашей профессии. Мы всегда должны найти общий язык с актерами, художником... зрителем, наконец, Это – взаимодействие. Я выставляю зрителям манки, а они их заглатывают, потому что любят мистификацию, магию театра. За 10-20 лет я смогу еще поставить в среднем 30 спектаклей и из них по крайней мере три будут такими, за которые я буду отвечать. Буду отвечать за свои собственные ошибки, а не за выбор продюсера, заказ руководства театра... В любом случае главное – не запылиться, не потерять вкус к живому театру.

- На сцене театра Грибоедова вы поставили уже немало спектаклей – вот недавно выпустили «Мцыри». Как вам работаете с грибоедовцами?

- Здесь много хороших актеров, с которыми интересно, радостно и легко работаете. Пока этот живой организм существует в театре, им надо заниматься. Если он исчезнет, никакая режиссура не поможет. А театр Грибоедова живой, и им надо заниматься настолько, насколько нам позволяет социальная ситуация. И потом, я никогда не считал театр Грибоедова только русским театром. Для меня это тбилисский русскоязычный театр, составная часть грузинской культуры. В этом случае я не чувствую себя провинциалом, отголоском плохой русской школы где-то в захолустье. Театр Грибоедова никогда не был таким. Многие актеры, приехавшие издалека, с удовольствием работали на этой сцене, потому что здесь, в Грузии, всегда был живой, хороший театр. Они приезжали в грузинский русскоязычный театр, а не в провинциальный русский театр на отшибе. Многие актеры с добротной, грамотной российской школой приобрели здесь потрясающее свойство. Набралась грузинского формализма и темперамента, взгляда на мир более четкого, более выпуклого, более яркого. Так что Грибоедовский сегодня не имеет себе равных, он утрет многим театрам нос! Смотрите и учитесь, господа! Мы достойны, конкурентоспособны в любой театральной школе. Нужно просто развиваться. Нужно просто немного больше умения, немного больше инвестиций. В конце концов, в этом театре ставят спектакли далеко не самые плохие режиссеры Грузии.

Инна БЕЗИРГАНОВА

**100-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ—
ЗНАКОВОЕ СОБЫТИЕ.
В ЭТОЙ КРУГЛОЙ ДАТЕ
ЧТО-ТО ОСОБЕННО
ПРИТЯГАТЕЛЬНОЕ,
ДАЖЕ НЕМНОГО
ТАИНСТВЕННОЕ.
ЮНЕСКО ОБЪЯВИЛ 2010-
Й ГОДОМ ВАХТАНГА
ЧАБУКИАНИ, И
ТОРЖЕСТВА В РАМКАХ
ГРУЗИНСКОГО ПРОЕКТА
«ВАХТАНГ ЧАБУКИАНИ И
ЕГО СОЗВЕЗДИЕ» БУДУТ
ПРОДОЛЖАТЬСЯ ЦЕЛЫЙ
ГОД.**

**«НАША ДИНАСТИЯ
ОПРАВДАЛА СЕБЯ»**

С Чабукиани связано многое происходившее в Грузии в мире балета. В том числе, два чародея танца - Илико Сухишвили и Нино Рамишвили, работавших с ним, позже ставших основателями Государственного ансамбля народного танца Грузии, именуемого теперь Национальным балетом. За рубежом его называют восьмым чудом света, мировой легендой, золотым запасом страны. В этом году у коллектива двойной юбилей: 65-летие со дня основания и 100-летие со дня рождения Нино Рамишвили - танцовщицы и хореографа. Нино Рамишвили называли королевой танца, она и в жизни была королевой. Аристократичная, элегантная, подтянутая, строгая - княжеская породе сказывалась во всем. Правда, иногда влияла и на карьеру - поначалу в театре оперы и балета ей не давали сольных партий, не пускали за границу, потому что она была дочерью «врага народа». Позже запрети снимали.

Нино Рамишвили прожила 91 год и до последних дней работала, проводила репетиции — всегда ходила подтянутая, на высоких каблуках, с царственной осанкой сидела на стуле и управляла танцующими лишь движением рук, у нее была особая пластика, особые руки. В ней ощущалась такая сила и мощная энерге-

тика, что все подчинялись ее малейшему движению - какая-то магия. Своим внутренним стержнем она держала весь ансамбль, дисциплина была строжайшая. Те, кто работал с ней, сравнивают ее с «железной леди» Маргарет Тэтчер. Она оставалась для всех символом элегантности и силы.

Сама идея создания первого профессионального ансамбля грузинского танца принадлежала Илико Сухишвили безраздельно. Он был одержим ею, это стало главной мечтой, которая осуществлялась вместе с Нино Рамишвили и еще одним великим импровизатором и фантазером, театральным художником Солико Вирсаладзе.

Творческий и семейный союз Сухишвили-Рамишвили останется навсегда легендой. Неразлучные партнеры на сцене и в жизни, они были вместе более полувека — в любви, творчестве, бесконечных репетициях, концертах, гастролях. Их совместная жизнь была наполнена творчеством и созиданием, полностью реализованными на сцене.

А началось все с балетной студии Марии Перини. Итальянскую балерину судьба занесла в дореволюционный Тифлис, где искусство было частью самой жизни. В 1916 году она открыла хореографическую

студию в здании, где сегодня располагается Академия художеств Грузии, и принялась обучать детей основам классического танца. В 1920 году студия получила статус государственной, хотя ее до сих пор называют ее студией Перини. Заметим, в этом году у студии тоже юбилей - 90-летие. В рамках программы «Вахтанг Чабукиани и его созвездие» эта дата тоже будет отмечена, причем, в тех же стенах, где когда-то она размещалась. Отсюда вышла целая плеяда звезд: Вахтанг Чабукиани, Вахтанг Вронский, Елена Чикваидзе, Мария Бауэр, Лили Гварамадзе, будущий главный художник Большого театра Солико Вирсаладзе. В этой студии училась и Нино Рамишвили, она с детства дружила с Чабукиани и буквально боготворила его, ближайшим ее другом был и Вирсаладзе. Она танцевала с детства, увлекалась и классическим балетом, и характерным танцем, и традиционным народным. Худенькая, невероятно пластичная, невесомая в прыжке, она иногда одевала мужской костюм и вставала в ряд танцоров-мужчин.

Со своим будущим мужем Нино познакомилась в 1927 году в Тбилисском театре оперы и балета. Они были партнерами в танцевальных дуэтах, дивертис-

ментах, оперных спектаклях, на эстраде. Дуэт Сухишвили-Рамишвили гастролировал по всему Советскому Союзу, они работали с джаз-оркестром Леонида Утесова, в театре «Эрмитаж». В 1932 Илико поступает в ГИТИС, параллельно работает у выдающегося балетмейстера Галейзовского. В 1935 году Сухишвили посылают в Лондон на всемирный фестиваль народного танца, откуда он возвращается с золотой медалью, врученной ему королевой-матерью. Нино Рамишвили тоже должна была поехать на фестиваль, но ее сняли с самолета, так как отец был репрессирован.

Илико Сухишвили не оставляла идея создания ансамбля народного танца, ему хотелось показать всем, насколько уникальна и богата национальная культура Грузии. Его поискам не было конца: трансформация народных танцевальных приемов с упором на классическую технику, подчеркнутое единство движения, мимики и жеста, выразительность линейной расстановки массовки, сотрудничество с художником и музыкантами. Несколько лет Илико и Нино работали над программой ансамбля, но шла Великая Отечественная война, и всерьез к этому никто не относился. Об этом времени мне рассказывала Нина Шалвовна

в 1995 году, когда отмечалось 50-летие ансамбля. «Конец войны, жуткие зимние вечера без света и тепла, репетиции под лестницей в старом здании филармонии, нужда, холод, голод, надежда и энтузиазм. Вместо доли, разновидности барабана, перевернутая табуретка, на которой выстукивали ритм. Костюмы из толстой бязи, придуманные Солико Вирсаладзе и им же вручную расписанные, а все ахали – «Откуда взялась такая парча?» Обычно Солико смотрел танец, а потом придумывал костюм. Но бывало и наоборот – сначала рисовал костюм, и уже к нему сочинялся танец. Вирсаладзе оставался единственным художником по костюмам со дня основания ансамбля. Он создал не костюмы, без которых немислимы хорумы, карачохели, огненный аджарский танец или загадочно тягучий «Симд». Главное, его причудливые костюмы всегда согласовывались с пластикой персонажей – это он чувствовал как никто другой. В его сценографии и костюмах всегда были спонтанность и некоторая избыточность, но все его фантазии уравнивались безупречным вкусом. Он обладал особым даром колориста, как говорят, «абсолютным колористическим слухом», и его магия цвета делала чудеса».

По словам Нино Шалвовны, чтобы добиться первого официального просмотра в ЦК партии, Илико Сухишвили пошел на прием к министру культуры и ночью (тогда по примеру вождя считалось хорошим тоном работать по ночам) в его кабинете почти до утра танцевал, пел, изображал, как все это будет выглядеть. Министр не только оценил уникальный талант посетителя, но и помог преодолеть следующие инстанции.

С.Вирсаладзе, Н.Рамишвили, И.Сухишвили

Нино и Илико. 1930

Нино Рамишвили на репетиции. Фото А.Саакова

Перед обаянием танца Сухишвили действительно устоять было невозможно. В этом убеждают кадры кинохроники, запечатлевшие молодых Нино и Илико: грация, благородство, виртуозная техника и полет души – вот что такое их танец.

В итоге, в 1945 году ансамбль получил официальный статус. Вероятно, не обошлось без соизволения свыше. В те времена вождь зорко отслеживал и культуру. «Отец всех народов» знал Сухишвили еще до войны – в 1943 году коллектив выступал на конференции глав союзных держав.

В одном из интервью нынешний директор коллектива Нино Сухишвили-внучка, рассказывает об этом знакомстве: «Страшный 1937 год был годом Грузинской республики (в то время каждый год одна из республик представляла себя в Москве), и тбилисский оперный театр, где работали Нино и Илико, показывал в Кремле свое творчество. Сталину очень понравился дедушкин танец (бабушке тогда не давали сольных партий, потому что она была дочерью «врага народа»), он захотел познакомиться на банкете после концерта. Услышав о Сухишвили и Рамишвили, Сталин нахмурился: «Ах, Рамишвили? Они все меньшевики — их надо арестовать». Такая фраза, да еще от самого Сталина — ясно, что бабушку должны были арестовать тут же или сразу после банкета. Но ничего не случилось, потому что дедушку подозвал Сталин и попросил еще раз станцевать понравившийся ему танец. Дедушка тут же станцевал, и вождь сказал: «Проси, что хочешь». Ну что скажешь человеку, которого боится вся страна? Дедушка попросил фото Сталина с автографом. Сталин похлопал его по плечу и сказал: «Молодец, мальчик». На следующий день им в гостиницу принесли фотографию с подписью «Илико Сухишвили от Иосифа Сталина». Но когда за дверью они увидели человека в форме, то решили — пришли за бабушкой. Так что я не знаю: то ли дипломатия дедушки спасла ситуацию, то ли Сталин просто пошутил по поводу фамилии...»

Коллектив, который создали Сухишвили-Рамишвили, стал гордостью национальной и мировой культуры. С 1948 года перед ансамблем открылся «железный занавес», что по тем временам было почти невероятно. Первая зарубежная поездка Большого театра СССР на Запад за гастролы в Лондон состоялась только в 1956 году. Улановой было 46 лет, когда она впервые выехала на гастроли за рубеж. Самыми выездными коллективами после войны были ансамбли И.Сухишвили и И.Моисеева, главные визитные карточки советского танцевального искусства. Сухишвилевцы совершили более двухсот турне, посетили 88 стран и более 1700 городов. Их называли восьмым чудом света, «чарующим зрелищем», «ураганом на сцене», «драгоценным фольклорным камнем в классической оправе». Газета «Вашингтон пост» писала: «Их танец бросает вызов законам гравитации. Они делают двойные пируэты с колен, а головокружительные скоростные вращения завершают с невероятной точностью». Выступления ансамбля были признаны лучшим шоу на Бродвее, Национальный балет стал единственным ансамблем народного танца, которому предоставили право выступить на знаменитой сцене театра Ла Скала. Занавес театра поднимался 14 раз, установив своеобразный рекорд.

Нино Шалвовна рассказывала, что в первый раз

их ансамбль отправился на гастроли в 1948 году в Финляндию, а после оглушительного успеха их экспромтом пригласили соседние страны – Дания, потом Швеция. Они выступили в Дании, но перед Швецией окно захлопнулось. Москва сказала: на первый раз хватит. Но посыпались новые приглашения, и очень скоро Европа была покорена. Теперь предстояло «открыть» другие континенты – Америку и Австралию. Нино Шалвовна вспоминала, что пережили они, когда на встрече с ансамблем мэр Сан-Франциско объявил о безоговорочной капитуляции и вручил грузинским артистам ключ от города. Такой традиции в Грузии еще не было, ключи от родного Тбилиси вместе со званием почетных граждан Илико и Нино получили значительно позже, в 1981 году.

Вспоминается юбилейный вечер 50-летия коллектива в Грузии. 1995 год. Промозглый холод, неожиданный для Тбилиси середины ноября. На площади вокруг госфилармонии иномарки дипломатических представителей, машины правительственные и прочих официальных лиц, на ступенях стоят два мощных кордона учтивых полицейских, сквозь их строй проходит избранная публика исключительно по пригласительным билетам. Зал переполнен, а на сцене царил огненная стихия танца и властвовала королева – 85-летняя Нино Рамишвили. Ее успех по праву разделял сын, Тенгиз Сухишвили, в то время официальный руководитель коллектива, который насчитывал 80 человек. В финале было представлено и третье поколение славной династии: их внукам – Нино и Илико Сухишвили был отдан сольный дуэт в завораживающем «Симде», в котором блистали некогда дедушка и бабушка.

«Я счастлива, что наша династия оправдала себя», – призналась тогда в беседе Нино Шалвовна. И она оказалась права. Три поколения артистов — это большая редкость. Основатели ансамбля вложили в свое детище такой заряд, что он живет и восхищает по сей день, пережив распад государств и смену формаций. Создателей уже нет в живых (Сухишвили скончался в 1985-м, жена пережила его на 15 лет), ушел из жизни и их сын Тенгиз Сухишвили. Из старшего поколения осталась его жена Инга Тевзадзе, которая по семейной традиции продолжает работать и сейчас. Новые программы ставит внук, нынешний художественный руководитель Илико Сухишвили, а костюмы придумывает внучка — Нино Сухишвили, одновременно являясь директором коллектива.

Национальный балет Грузии – живой, постоянно развивающийся организм. Илико Сухишвили-младший, сохраняя в неприкосновенности традиционные танцы, в то же время ставит новые номера. Для него это и собственная творческая реализация, и продолжение дела его знаменитых предков.

Новации преемников вызывают большой интерес и неоднозначную реакцию: одни называют это началом новой эпохи, где «эволюция танцев идет от иллюстративного к универсальному, от конкретики к общему», другие не принимают, считая это разрушением традиций. Налицо другая хореография, костюмы и другое музыкальное звучание. Но и руководителей можно понять: без притока новых идей искусство не может существовать, само время требует новизны.

Вот что говорит Илико Сухишвили-младший: «В наших новациях база остается фольклорная, как и

сам стиль Сухишвили-Рамишвили. Именно на этой базе мы делаем новые постановки и придумываем движения. Вместе с тем в неприкосновенности сохранены номера, ставшие классикой грузинского танца, это как бы живой музейный экспонат. Хотя движения старых танцев тоже надо отчеканивать, чтобы стиль исполнения, техничность не терялись у новых исполнителей. Если раньше делали полтора пируэта, то сейчас наши танцовщики спокойно могут делать три-четыре. Это не влияет на структуру танца, это лишь необходимое оттачивание техники. Классика составляет первое отделение программы. Второе отделение - новая хореография. Танцы рождаются по-разному. Техника и стиль движений, музыкальный ритм, костюм, это зависит от региона, и пластика везде разная.

Я когда начинаю делать танец, исхожу из рисунка самого танца, его эмоционального смысла, и это должно соответствовать музыкальному ритму. Сначала мы с нашим оркестром берем за основу ритм, затем обрабатываем музыкальные темы, на эту музыку накладываются движения, общий рисунок танца. Конечно, мы думаем и о том, чтобы музыку приятно было слушать вне зависимости от танца. Движения остаются традиционными, но в современном ключе. Слово современный это не значит, что будет джаз или рок. Мы работаем с фольклором, и часто люди не понимают разницу между фольклором и народным искусством. Народное творчество существует без автора, а у нас может быть свое авторское видение какого-то танца, несущего фольклорное начало.

Кроме того, мы национальный балет, и можем ставить интерпретации танцев разных народов. Если мы едем с гастролью в Израиль, мы делаем еврейский танец, если в Грецию, показываем сиртаки, у нас издавна есть и русский танец, и украинский - это мы возем как подарок, как знак уважения. Но я не включаю их в нашу грузинскую программу. Это может быть только как отдельный элемент.

У нас есть клубная молодежная версия - программа «Асса», многие ее путают с основной, но это совершенно другой формат с импровизациями, современными костюмами и прочими новшествами, и у нас нет претензий, что это чистый фольклор. Идея проекта в том, чтобы привлечь молодых, они не занимались в студии, не учили грузинские танцы, но интерес к ним был, ведь в Грузии все танцуют, все поют. Есть маленькая группа наших танцовщиков, которая выступает на дискотеках. И есть отдельная музыкальная программа в формате дискотеки. Проект «Асса» существует уже шесть лет, так поддерживая интерес к народным традициям. Большое значение имеет оркестр, там тоже свои новации: мы живем в XXI веке, оркестр надо тембрально обогатить, какие-то краски добавить, поддерживать ритмическую функцию. Иногда и сами придумываем. Так, у нас появилась большая деревянная бочка, перетянутая толстой кожей, на которой можно играть как руками, так и большой палкой, а звучание получаем как у литавр. Естественно, она стоит на виду, это становится элементом шоу. Ведь декораций у нас нет, только световое оформление.

Конечно, есть и проблемы. У коллектива никогда не было спонсора, мы ни от кого не зависели, и это

отлично. Но сейчас у нас нет такого бюджета, чтобы у всех была зарплата. Кроме того, надо реставрировать старые костюмы, делать новые, около 700 костюмов используются только в одной программе. Гастрольные поездки тоже требуют затрат, несмотря на то, что едем мы по приглашению импресарио. Надеясь, что ситуация выправится».

У Национального балета Грузии есть богатое прошлое и перспективы. Продолжает работать студия

«Илоури»

грузинского танца, основанная Илико Сухишвили-старшим, которую сейчас ведут его ученики. А два года назад был создан студийный ансамбль, куда берут из студии самых одаренных молодых танцовщиков. Артистизм, темперамент плюс балетная техника - так что новая смена коллективу гарантирована.

Итак, третье поколение Сухишвили продолжает дело, начатое в 1945 году. Национальный балет Грузии, сделавший фольклор подлинным искусством, по-прежнему в постоянном поиске и на фоне других ансамблей выглядит новатором. Может быть, благодаря этому он всегда остается интересным и современным. Его гастролей ждут зрители в разных странах мира. В этом году пройдет юбилейный гастрольный тур в Украине, Молдове, Республике Беларусь, Италии и США с обновленной программой.

Юбилейные торжества в течение года будут проходить и в Грузии - выставки, вечера, концерты. На празднование приглашены ведущие танцевальные коллективы мира. Так что забвение не грозит ни основателям, ни самому ансамблю, который всегда будет ошеломлять, потрясать и гипнотизировать.

«Самайя»

Вепа ЦЕРЕТЕЛИ

РУССКИЙ ВОДЕВИЛЬ В СТРАНЕ ТАНГО

Зима в Буэнос-Айресе... В Северном полушарии бушуют январские холода, а в Аргентине – лето в самом разгаре.

В стране начался «Карнавал страны». Праздничные шествия проходят каждую субботу, начиная с первой субботы января. Город заполнен тысячами туристов, все хотят увидеть потрясающее зрелище. Главные хозяева на улицах – южноамериканские танцы. Со всех сторон несутся бой барабанов и ритмы самбы, солнце отражается в море разноцветных перьев и блесток...

Я уже четыре дня в жаркой аргентинской столице, и понял на собственном опыте, что днем лучше отсиживаться в гостиничном номере или плескаться в бассейне.

Город по-настоящему оживает поздним вечером, хотя сама жизнь не останавливается здесь ни на минуту – кафе, магазины, кинотеатры работают днем и ночью. Даже автобусы ходят в любое время суток. С 9-10 часов заполняются бары и рестораны, улицы забиты потоками машин, и каждая из них едет, подпрыгивая, – темпераментные пассажиры не могут успокоиться даже в салоне автомобиля, танцуют и поют на ходу.

Столица начинает затихать только к утру и понемногу остывает, обдуваемая прохладными воздушными потоками с океана. Воскресенье, раннее утро. Все спят. Дороги пусты. Даже бродячие собаки беспечно дрыхнут на траве. Конечно, любой город лучше рассматривать, пока его не заполнила житейская сума-

тоха. И я спешу, пока не хлынет дневная жара и не загудит город, побродить по Буэнос-Айресу... Здесь действительно есть на что полюбоваться. Это самый яркий квартал, построенный итальянцами, Ла-Бока; исторический район Сан-Тельмо; знаменитый рынок антиквариата на Пласа Доррего; «сердце» города площадь Пласа-де-Майо - самый крупный торговый район в мире; легендарный Обелиск в честь провозглашения независимости Аргентины на площади Пласа-де-Ля-Република; японский сад и зоопарк в зеленом квартале Палермо, улица 9 Июля (авенида Нуэве-де-Хулио) - самая широкая улица в мире... Одних только музеев (а в них хранятся работы Ренуара, Ван Гога, Пикассо, Родена...) в Буэнос-Айресе около ста двадцати. Всего в нескольких сотнях километров от мегаполиса начинается завораживающий мир дикой природы. Грандиозные каскады водопадов производят незабываемое впечатление.

Конечно, в этом городе, в этой стране надо провести не один месяц, чтобы насладиться его красотой и энергетикой. Он зовет и манит, не оставляет равнодушным никого, не случайно его прозвали Парижем Южной Америки. Хотя здесь чувствуется дух и Рима, и Мадрида... Может быть, потому, что предки большинства жителей города – выходцы из Старого Света.

Я не спеша иду по улице. В этот ранний час в городе открыты только кафе-кондитерские, из которых вкусно пахнет кофе и свежей выпечкой. Я сворачиваю в один из парков Палермо и иду по аллее, вдыхая

воздух, переполненный ароматами эвкалипта, хвои и каких-то незнакомых цветов. Я знаю, что сегодняшний день принесет мне не только счастье новых открытий в чудесном городе, но и радость общения с русскоязычными соотечественниками, жителями Буэнос-Айреса, ведь мои знакомые пригласили меня на премьеру водевиля «Беда от нежного сердца» по пьесе графа Владимира Сологуба.

Я знал, что русская диаспора в Аргентине представлена довольно широко, но русскоязычных объединений, организаций в стране очень немного. Тем ценнее была для меня предстоящая встреча.

В 2002 году наши соотечественники Сергей Толкачев, Татьяна Толкачева, Марина Богословская создали культурный и научно-технический центр соотечественников «Наша Русь» - это служба правовой помощи соотечественникам, молодежный театр, литературный клуб, спортивная секция, молодежная танцевальная группа. Три года спустя при Центре сформировалось молодое крыло - молодежное движение «Славянка», силами которого и был поставлен спектакль, на премьеру которого я приглашен. Честно говоря, с трудом верилось, что здесь, на краю земли, может быть русский театр. И, тем не менее, все оказалось правдой - в городе танго более ста зрителей пришли посмотреть русский водевиль. В зале сидели и наши соотечественники, и те, кто изучает русский язык. Были и аргентинцы.

бвенная игра покорили всех. Искренность и любовь к театральному искусству чувствовались во всех актерах, хотя они любители, а театр - самодеятельный.

По окончании спектакля артисты были награждены щедрыми аплодисментами зрителей. Глядя на улыбающихся аргентинцев, приветствующих русский водевиль, я невольно подумал о том, что, может быть, этот спектакль станет для них началом «романа» с русской литературой, и, придя домой, им захочется взять в руки роман Толстого или Достоевского?

Мы долго беседовали после спектакля с моими

Аншлаг

После спектакля

Молодой и перспективный режиссер молодежного театра Елена Яцун поставила динамичный и заразительный спектакль. Реакция зрителей говорила сама за себя - зал то дружно хохотал, то замирал, затаив дыхание, чтобы не пропустить ни одной фразы. Симпатии публики завоевал исполнитель роли жениха Сергей Никифоров, чье обаяние и уверенная, самоза-

друзьями-соотечественниками. Разошлись поздно ночью. Я возвращался в гостиницу и думал о людях, оказавшихся в эмиграции. Конечно, не от хорошей жизни покидают люди свою родную землю, привычную среду, где говорят на языке, понятном в любой интонации, с полуслова... Это аргентинцы ненадолго уезжают от жары мегаполиса к Атлантическому океану, а эмигранты - навсегда. Но ведь не сдаются! И, тоскуя по родной культуре, стараются воссоздать ее на новом месте обитания, окружить себя и своих детей тем, что было и осталось для них ценным, дорогим - русским словом, русской культурой.

В январе Митрополит Аргентинский и Южноамериканский Платон от имени Русской православной церкви и Кафедрального собора подарил представителям Центра величайшую святыню - Икону Владимирской Божьей матери. «Ваша работа нужна и важна. Все, что Вы делаете, объединяет наших людей», - сказал митрополит.

Дай бог удачи нашим соотечественникам на той стороне Земли, и пусть мой теплый привет из Грузии дойдет до них!

Николай СВЕНТИЦКИЙ

ДВОРЕЦ ИСКУССТВА

Это здание бросается в глаза всем, кто проходит по небольшой улочке Каргаретели в старой части Тбилиси. За узорной чугунной оградой видны очертания обветшавшего, но все еще красивого дворца с изящной башенкой. Да, скажут знатоки, это XIX век, работа петербуржца Павла Штерна, одного из приверженцев стилизации в архитектуре. Он стремился придать сооружениям Тифлиса восточный экзотический характер и, говорят, настолько был увлечен идеей стилизации, что и собственный дом построил в этом же духе. Кто-то считает это псевдомавританским стилем, а кто-то находит элементы готики. Как бы то ни было, а дворец, построенный в 1895 году, не потерял своей экзотичности.

Сейчас в нем расположен Грузинский государственный музей театра, кино и хореографии, директором которого несколько месяцев назад стал молодой историк Георгий Каландия. Влюбленный в историю и музейное дело, он утверждает, что таких дворцовых зданий в Грузии единицы. И как полагается настоящим дворцам, за ним – романтическая история.

– Надо сказать, со времен Екатерины II Ольденбурги находились под особым покровительством российских императоров. Принц Георгий Ольденбургский был женат на сестре императора Александра I Екатерине Павловне. Его сын, принц Петр Ольденбургский был личным другом Александра II, имел звания генерала от инфантерии и генерал-адъютанта. Сыновья Петра – принцы Александр и Константин имели непосредственное отношение к Кавказу, а именно, к Грузии. Родившиеся в

роскошном петербургском особняке, пожалованном их отцу Николаем I, они получили великолепное домашнее образование, в их дворце часто давались балы, устраивались домашние концерты и спектакли. Мемуаристы неизменно отмечали начитанность и энциклопедические знания принцев Ольденбургских. Принц Александр Петрович был активный участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканах. Выйдя на покой, он занялся своим любимым детищем – Гагринским климатическим курортом. В 1900 году принц Александр загорелся идеей создать на живописном, но пустынном берегу между Сочи и Сухуми благоустроенный, недорогой курорт, который мог бы успешно конкурировать с дорогими курортами Крыма; сам руководил работой, вникал во все мелочи, вложил в осуществление любимой идеи немало своих средств. Он добился, чтобы казна ежегодно отпускала 150 тысяч рублей на строительство курорта. В 1903 году курорт Гагра был торжественно открыт, и почти 90 лет, вплоть до распада Советского Союза, оставался одним из лучших климатических курортов на Черноморском побережье. Младший принц Константин Петрович тоже участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., имел звание генерала. На Кавказе, где он служил, его стараниями получило развитие курортное дело (Адлер-Сочи) и виноградарство. В Кутаиси по инициативе принца Константина было начато производство шампанских вин. Это был музыкально одаренный человек, участвовал в различных музыкальных и театральных кружках. Именно любовь к искусству послужила

необыкновенному повороту в его жизни. Как-то раз, в Кутаиси в 1882 году он участвовал в постановке модных в то время «живых картинок». Ставили «Барсовую шкуру» (как тогда называли поэму Шота Руставели). Образ Нестан-Дареджан представляла прекрасная незнакомка, в которую, сраженный ее необыкновенной красотой, принц моментально влюбился. Это была молодая княгиня Аграфена (Агриппина) Джапаридзе, жена князя Тариела Дадиани. Это обстоятельство не остановило принца, и он стал думать, как бы ее заполучить. Сложность состояла в том, что Константин был принцем и вступая морганатический брак, терял право на престол, так же, как и потомки от этого брака. В России официально существовал запрет на морганатические браки. Но все же принц Константин решил добиться своей возлюбленной, которая к тому же была замужней женщиной. Любовь оказалась взаимной, и принц устранял одно препятствие за другим. Поговаривали, что он даже заплатил миллион рублей золотом князю Дадиани за свою возлюбленную. Может, так оно и было. И в 1882 году Константин Петрович женился морганатическим браком на княгине Аграфене Джапаридзе. Тем самым он утратил права на родительское наследство, а его дети были лишены права именоваться принцами Ольденбургскими.

– Велика была любовь, раз принц пошел на эти жертвы...

– Любовь для него оказалась дороже. Вдобавок он построил этот прекрасный дворец и преподнес в дар возлюбленной. Дворец стали называть дворцом первой любви. А затейливая башенка с ее потайной комнатой для свиданий, говорят, именовалась башней любви.

Дореволюционные интерьеры

– Но все же великий герцог Ольденбургский отнесся к этому событию менее сурово, чем российский император.

– Да. Он пожаловал Аграфене Джапаридзе и ее потомству графское достоинство и титул графов Зарнекау. В счастливом браке родилось шестеро детей. И жизнь в этом дворце была прекрасной.

– Георгий, вы работаете здесь с марта прошлого года, какие изменения произошли за это время?

– Прежде всего, к длинному названию «Музей грузинского театра, музыки, кино и хореографии» мы хотим добавить «Дворец искусства». Думаю, оно запомнится. А вот официальное его название пусть останется в документах.

– Значит, «Дворец искусства»?

– Да. Потому что, к счастью, наше здание – все же дворец, здесь очень много произведений искусства, и не только связанных с театром, кино и хореографией.

– Если говорить о самом здании...

– Судя по документам, дворец был изящным, очень

Аграфена Джапаридзе

Принц Константин Ольденбургский

красивым, с хрустальным полом, облицованными стенами, в нем были греческий и египетский залы, зал в стиле эпохи Людовика XIV. Но после 1921 года все было расхищено, греческие мраморные скульптуры выносились из дворца, лежали под открытым небом, а потом какой-нибудь комиссар уносил их для кладбищенских памятников. Так что все, что происходило в этом дворце – это история и дворца, и страны.

– Вы хотите восстановить его в первоначальном виде?

– Мы думаем об этом. С одной стороны не хочется терять контакт с историей, как и с судьбами этих людей. С другой – здесь с 1989 года расположен музей грузинского театра музыки и кино. Странно, что нигде не упоминаются ни принц Константин Ольденбургский, ни Аграфена Джапаридзе... Я думаю, они заслужили чтобы о них знали, о них читали, на них смотрели. Поэтому хотелось бы, чтобы несколько залов было восстановлено в том стиле.

– А флигель?

– Он был пристроен к дворцу предположительно в 1945 году. Мы думаем разместить в нем несколько выставочных залов, там же разместим и администрацию. А в старой части дворца мы хотим восстановить его залы.

Георгий Каландия раскладывает передо мной на столе фотографии разрушенных интерьеров дворца.

– Посмотрите, в каком они были состоянии. Мы смогли воссоздать два зала. Один назвали кабинетом раритетных изданий. Старая мебель практически не сохранилась, но мы обнаружили кое-что в подвалах дворца и отреставрировали. Во дворце была богатая библиотека. Есть уникальные издания, XVII века, например, книги на французском и немецком языках. Все это хранилось, но не выставлялось. А теперь мы их выставили. Восстановили мы еще одно дворцовое помещение, в котором расположили читальный зал.

– Можно представить, какие здесь залежи книжного богатства...

– Одно из богатейших собраний книг не только в Грузии, но и в России! У нас огромное количество книг на русском языке. Мы все это систематизировали и выставили на стеллажах для свободного пользования. Читатель (а им может стать каждый) может подойти к стеллажам и сам выбрать книги. По возможности мы приобретаем и вещи той эпохи. Так, книги XVII-XVIII веков принесла нам женщина, жившая поблизости от дворца. Она рассказала, что будучи маленькой девочкой видела, как с балконов дворца выбрасывали книги.

Обновленная библиотека

Их подобрали тогда же, а недавно принесли нам. У нее же музей купил немецкие письма, написанные золотом на старинной кружевной бумаге, это просто произведение искусства. Мы и хотим это выставить. Когда здесь побывал мэр Тбилиси Гиги Угулава, он сказал: за всем этим нужно бережно ухаживать, поскольку мы, грузины, не избалованы дворцами. В Тбилиси сохранился единственный дворец – царицы Дареджан. К счастью, в XIX веке дворцовая жизнь расцвела – и в Зугдиди, и в Тбилиси; конечно, не так пышно, как в Европе, но все же мы имеем и этот дворец – с башней, красивой легендой и историей. Само здание находится в аварийном состоянии, нуждается в капитальном ремонте и реконструкции. Вот с марта начнем укрепление фундамента и наружных стен. За несколько месяцев с помощью спонсоров мы провели большую работу, но обратите внимание – пока только в пристройке и снаружи. Отреставрировали выставочный зал, он, может, не самый лучший, но мы можем уже проводить выставки, что-то выставлять. К ремонту исторической части дворца не приступаем, пока не укрепим его несущие конструкции. И мы считаем, что здесь должны консультировать и реставраторы, и искусствоведы, чтобы реставрация была грамотная.

– Поговорим о самом музее и его экспонатах.

– Музей обладает огромным фотоматериалом, программами, мемуарной литературой. Один из ценнейших экспонатов – крошечная улыбающаяся маска из мрамора античного периода, обнаруженная при раскопках в Вани. Великолепные персидские миниатюры XVII века. Грузинские театральные программки за 1893 и 1903 годы, напечатанные на шелке. Все материалы русского театра в Тбилиси за его 160-летнюю историю, начиная с афиш и кончая программками. Здесь хранятся работы «мирискусников» Льва Бакста, Александра Бенуа, Константина Сомова. Афиши гастролей Малого театра, театра Мейерхольда, автографы Петра Чайковского, Николая Римского-Корсакова, Федора Шляпина, Дмитрия Шостаковича. Уникальны фотографии Майи Плисецкой, ее пуанты с автографом, их в свое время музею подарил Сергей Параджанов. В наших фондах хранится порядка 100 тысяч снимков, в том числе уникальные фотографии, касающиеся театральной жизни Российской империи. Есть богатейшая библиотека – своды законов Российской империи, издания Императорского театрального общества, хранятся награды Императорской Академии наук, врученные известному

Экспонаты музея

грузинскому композитору Дмитрию Аракишвили. Работы художников Ладо Гудиашвили, Давида Какабадзе, Елены Ахвледиани, Серго Кобуладзе, Кетеван Магалашвили, Петре Оцхели, Ираклия Гамрекели, Кирилла Зданевича. Архивы Сандро Ахметели и Котэ Марджанишвили. Есть письма Ладо Месхишвили, Шалвы Дадиани, Васо Абашидзе, Дмитрия Аракишвили.

– *Что вы можете рассказать о новых поступлениях в музей?*

– За то короткое время, что я заступил на должность директора музея, мы получили в подарок не менее двух тысяч экспонатов. И, в основном, от частных лиц.

– *Как вам это удалось?*

– Открою вам секрет. Известно, что коллекции многих музеев создавали не только императоры, графы или великие личности, в этом процессе участвовал и народ. Я всегда жалел, что у нас в Грузии не было такого процесса – чтобы люди передавали в музей свои антикварные вещи. Но когда я перешел сюда работать, решил поэкспериментировать. Я обратился ко многим известным людям Грузии от имени музея с просьбой передать в дар музею что-либо из своих реликвий.

– *Наверное, это было не так легко?*

– Начиналось с трудом... Вот, например, дар Иамзе Долаберидзе – одной из лучших исполнительниц танца картули. Она передала музею свое платье, в котором последний раз станцевала на сцене этот танец. Она сама вышивала его, и расстаться с платьем, конечно же, для нее было нелегко. Получая подарки, мы выражали благодарность по телевидению, в прессе. И тогда процесс пошел быстрее. А потом мы придумали назвать наш небольшой сад «Парком благодарности», и каждый год проводить красочную церемонию открытия мраморного столбика с именами бескорыстных дарителей. Хотим и награждать этих людей. Насколько я знаю, в Грузии нет музейных наград. И мы придумали награду «Хрустальный Аполлон», намерены каждый год награждать 10 человек. Чтобы люди уносили благодарность не только словесную, но и вещественную. В сентябре прошлого года музею были переданы уникальные вещи правителей Самегрело. Среди них неизвестный портрет светлейшего князя Самегрело принца Николая Дадиани,

Серго Закариадзе и Софи Лорен

письмо дочери Екатерины Чавчавадзе – французской принцессы Саломэ Дадиани, скрепленное царской печатью. В коллекции также представлены работы художника Георгия Эристави на темы «Витязя в тигровой шкуре», в том числе неопубликованные портреты царицы Тamar и Шота Руставели. Среди экспонатов – перо из слоновой кости с царской короной и инициалами, принадлежащее актрисе немого кино Чуте Эристави. А также уникальные фотографии семьи Романовых, Шервашидзе и Багратиони, выдающейся грузинской актрисы Верико Анджапаридзе с подписью актрисы.

– *Что из подаренного музею наиболее ценно?*

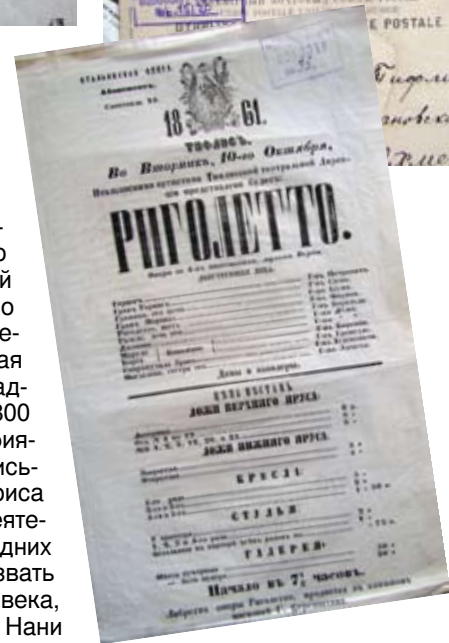
– Это рукопись последнего имеретинского царя Соломона Второго с его подписью и печатью, там же есть подпись известной грузинской царицы Мариам Дадиани. А

также письмо мингрельской принцессы Нино Дадиани. Она была княгиней Абхазии и последней грузинской царицей Абхазии. Это очень ценное приобретение. Совсем недавно братья Эльдар и Георгий Шенгелая безвозмездно передали нам весь семейный архив Николая Шенгелая и Нато Вачнадзе. Это порядка 700-800 документов с фотографиями Нато Вачнадзе, с письмами и рукописями Бориса Пастернака, многих деятелей культуры. Из последних поступлений можно назвать османский костюм XVII века, концертные костюмы Нани Брегвадзе, Медеи Джапаридзе, оперной певицы Тамары Тактакишвили. В связи с юбилеем выдающейся грузинской танцовщицы Нино Рамишвили семья Сухишвили передала в дар музею четыре костюма работы Солико Вирсаладзе, в которых танцевала Нино Рамишвили. Музею подарили немало археологических находок. Не говоря уже о фотографиях и рукописях... Очень много было даров...

– *То есть вы принимаете все?*

– Мы принимаем все, что касается грузинской культуры и искусства. И в этом Дворце любви счастливо поселился Дворец искусства с богатейшей сокровищницей. Я думаю, что у этого дворца есть потенциал Лувра. Дай бог, чтобы он превратился в наш грузинский Лувр.

Клара БАРАТАШВИЛИ

СЛУЖИТЕЛЬ ХРАМА ПРИРОДЫ

Густав Фердинанд Рихард Радде – один из блестящих исследователей Кавказа, директор Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки, родился 27 ноября 1831 года в Пруссии, в Данциге (ныне польский Гданьск) в небогатой семье школьного учителя в эпоху всеобщего увлечения путешествиями, составления зоологических и ботанических коллекций, культивирования с раннего детства любви к природе. В городское общество естествоиспытателей Радде вступил гимназистом. В этом обществе профессор Антон Менге учил Густава исследовать местную флору и фауну.

Стесненный в средствах юноша был вынужден поступить на службу учеником аптекаря, а ботанику и зоологию изучать самостоятельно.

Получив скромную субсидию Данцигского общества естествоиспытателей, Радде в 1852 году прибыл в Крым. Там он познакомился с известным ботаником, основателем Никитского ботанического сада Христианом фон Стевеном, который попросил его сделать зарисовки растений. Радде наслаждался свободой творчества и природой. На всю жизнь запомнил он слова Гете: «Я ничего не имел, но чувствовал себя довольным, стремясь к истине, и наслаждаясь фантазией».

В Симферополе Густав Иванович познакомился с помещиком Осипом Шатиловым, широко образованным, рассудительным и гуманным человеком. Приехав к Шатилову, Радде рассчитывал погостить неделю, но остался у него почти полтора года (сентябрь 1853 - февраль 1855 гг.), занимаясь устройством маленького местного музея, который был впоследствии расширен, и передан О.Шатиловым в дар Московскому университету.

Крымская военная компания принесла опустошение и разорение на недавно еще идиллический южный берег Крыма, и Радде со своими коллекциями – единственным его достоянием – отправился в Москву, а оттуда в Петербург, в Императорскую академию наук. В середине февраля 1855 года он был уже в Петербурге. Императорскому Русскому географическому обществу обязан Радде тем, что его дальнейшая судьба сложилась благополучно. По рекомендации Стевена, Кеппена и Брандта Совет общества включил его в состав восточносибирской экспедиции. В апреле Радде, снабженный инструкциями Российской АН и Ботанического сада, с субсидией в 1000 рублей серебром отправился в Иркутск. Работа в рамках ИРГО настолько увлекла его, что он решил навсегда связать

Густав Радде

свою судьбу с Россией.

В 1856 году по представлению президента ИРГО великого князя Константина Николаевича Радде особым распоряжением короля прусского был освобожден от воинской повинности и принял русское подданство в Иркутске. Кроме научного исследования края, Густав Иванович в 1858 году по предложению генерал-губернатора Н.Муравьева-Амурского принял участие в основании казачьей станицы на Амуре - составил план будущей станицы и выбрал для нее участок и более года наряду с административной деятельностью занимался изучением истории, флоры и фауны края. Эта образцовая станица была названа Муравьевым-Амурским в его честь «Радде» (забайкальские казаки называли ее Раддовкой). Впоследствии великий князь Александр Михайлович, посетив станицу Радде, послал Густаву Ивановичу депешу в Тифлис, в которой отмечал его заслуги в основании станицы. В настоящее время село Радде – крупный населенный пункт на территории Еврейской автономной области. В целях популяризации краеведческих знаний, расширения круга исследователей истории и современности дальневосточного региона управление культуры и областная научная библиотека им.Шолом-Алейхема проводят «Раддевские чтения. Время. События. Люди».

Возвращаясь к сибирскому периоду жизни Рад-

де, отметим, что в начале 1859 года его путешествие по Восточной Сибири закончилось. Он обратился в Географическое общество с просьбой позволить ему исследовать восточные истоки Енисея с Саяном и Тункинскими Альпами. Географическое общество согласилось на его предложения. Он первым поднялся на вершину горы Мунку-Сардык. В конце ноября 1859 года он возвращается в Москву и Петербург.

Первый академический дебют Радде оказался весьма удачным. Он сдал экзамен в Медицинской академии. Пять лет работы в Сибири ему защитили в действительную службу. Императорская АН издала годовые отчеты путешествия с картами и иллюстрациями. За книги о зоологических исследованиях наградила его Демидовской премией, а физико-математический факультет Дерптского университета присудил степень магистра. Президент Академии граф Блудов на годичном заседании представил Радде президенту общества, великому князю Константину Николаевичу. Академики Ф.Купфер и Ф.Ленц предложили докладчику должность помощника директора физической обсерватории в Тифлисе. Великая княгиня Елена Павловна, присутствовавшая при этом, рекомендовала Радде наместнику, великому князю Михаилу Николаевичу.

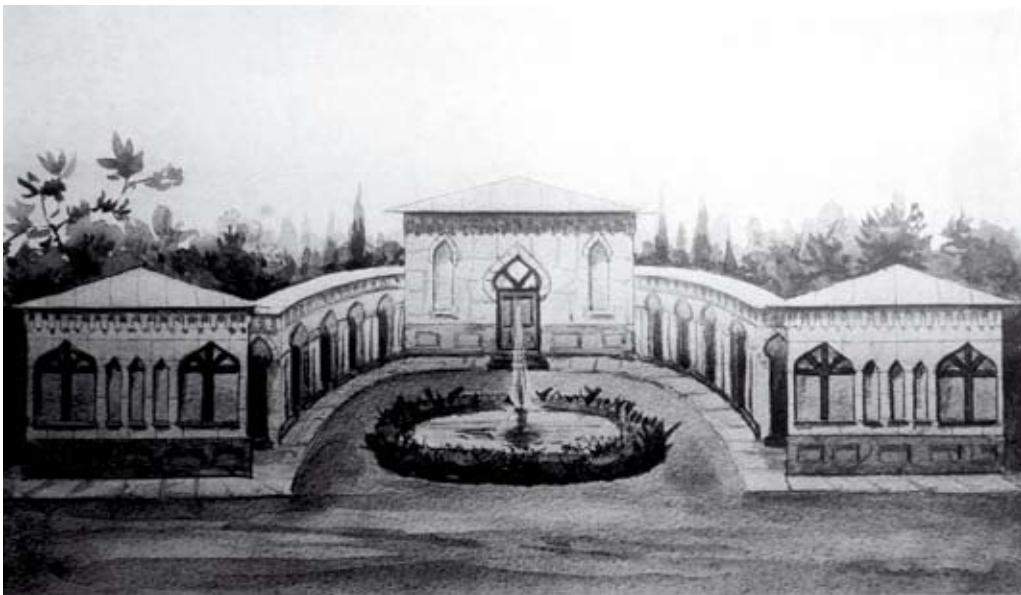
В середине сентября 1863 года Радде вместе с супругой, Марией Брандт, прибыл в Тифлис. Работа в обсерватории оказалась слишком скучной для его живого характера, и он находил удовольствие от чтения лекций в немецком клубе о результатах Сибирской экспедиции. Директор обсерватории Мориц был недоволен этим обстоятельством. Между сторонами произошел конфликт, и Радде вынужден был бы оставить Тифлис, если бы не директор Тифлисской публичной библиотеки и председатель Кавказской

Берже известил Радде об официальном приглашении совершить научные путешествия по Кавказу, с жалованием в две тысячи рублей в год. Тогда же начались 35-летние экспедиции Радде по Кавказскому краю, он обследовал почти весь Кавказ. Для богатого материала, собранного им в двух первых экспедициях и небольшой экскурсии в 1866 году в Талыш (Ленкорань), потребовалось помещение для размещения и хранения в должном порядке. Берже подготовил среди властей почву для возрождения Кавказского музея, существовавшего с 1852 года при Кавказском отделе Императорского Русского географического общества. При содействии барона Николаи, которого Радде называл своим величайшим благодетелем, наместник утвердил проект музея как независимого учреждения. Уже на торжественном открытии музея 2 января 1867 года Радде объявил о необходимости постройки музейного здания вблизи Тифлисской публичной библиотеки, расположенной в то время в Александровском саду, а также соединения обоих зданий порталом и галереей. В верхнем этаже он предложил разместить музей и библиотеку, а в нижнем – квартиры служащих и лабораторию. Этот план Радде был осуществлен, но претерпев изменения.

Вспоминая о своих заботах по организации деятельности музея, Радде писал: «... мы, не опасаясь за будущее, решили начать хорошее дело с такими малыми средствами; ведь опыт показывает, что нередко из самых скромных начинаний развиваются со временем богатые и великие учреждения, а порой с огромными средствами не достигается ничего». В январе 1868 года произошло объединение музея с библиотекой, благо оба учреждения находились в подчинении наместника. Интеллектуальным вдохновителем этого объединения был все тот же Берже.

Тифлисская публичная библиотека как центральное книгохранилище комплектовалась преимущественно литературой о Кавказе и соседних странах и постепенно приобретала всемирное значение как наиболее полное по кавказоведению. Однако, эффективному использованию библиотеки препятствовала теснота помещения. Поскольку статьи о Кавказе помещались в периодических изданиях, библиотека с середины 90-х годов стала пополнять свою коллекцию «Caucasica» вырезками из статей периодических изданий прежних лет. Таким образом библиотека пополняла свои фонды материалами, которые ранее не выходили отдельными изданиями.

За годы директорства Радде были изданы «Второе продолжение Краткого каталога Тифлисской публичной библиотеки 1866-1880 г.г.» и «Третье продолжение Краткого каталога Тифлисской публичной библиотеки 1881-1894 г.г.». Он считал, что общие рассуждения о том, что библиотека должна стремиться расширять кругозор только овладевшего грамотой читателя и, в то

Проект здания музея

археографической комиссии Адольф Берже, который был убежден, что Радде принесет большую пользу на Кавказе. По его совету Радде представил план биолого-географического исследования Кавказа начальнику главного управления наместника барону Николаи, а тот – самому наместнику. 14 февраля 1864 года

Фрагмент музейной экспозиции

же время быть интересной для высокообразованного ученого, слишком идеалистичны. Только библиотеки центров европейской цивилизации с их богатейшими фондами могли поставить перед собой такие высокие цели. Существовавшая на средства правительства, она, по его мнению, должна была ограничиваться функциями хранителя и распространителя знаний о Кавказе. В 1895 году Радде сделал характерную запись: «Как директор Тифлисской публичной библиотеки я побывал в публичной библиотеке в Алжире. Библиотека эта имеет узкоспециальную цель, а именно собирать всю научную литературу, касающуюся Алжира, и она вовсе не служит читальной для большой публики». Радде находит это правильным и надеется ввести такой порядок и в Тифлисе.

В 1899 году Густав Иванович начал описание коллекций Кавказского музея, которое должно было состоять из шести томов. Однако при жизни Радде остались неизданными два тома — четвертый (этнография) и шестой (здание музея и сад). Не успел он закончить и автобиографию, которая была доведена лишь до начала кавказского периода жизни ученого. Опубликованные тома «Museum caucasicum» представляли собой обширные, прекрасно иллюстрированные издания о зоологии, ботанике, геологии и археологии Кавказа и содержали подробное описание всех коллекций музея, с историей образования и обработки каждой коллекции.

За заслуги в изучении природы России Радде был удостоен ученой степени доктора и чина тайного советника, избран член-корреспондентом Петербургской Академии наук. За многолетние экспедиции по Кавказу Императорское Русское географическое общество в 1899 году наградило его высшей наградой — золотой Константиновской медалью.

Заветной мечтой Радде было оставить службу и провести остаток дней в уединении и покое, занимаясь обработкой своих мемуаров, но понимал, что ему будет трудно расстаться с музеем. Несмотря на преклонный возраст и тяжелую болезнь, он надеялся довести задуманное до конца. Но надеждам не суждено

было сбыться. В начале марта 1903 года Радде скончался и был похоронен в Ликани, близ Боржома, в имении великого князя Михаила Николаевича — на небольшой возвышенности, среди соснового леса. Надпись на могильной плите он составил сам: «Здесь покоится усталый Густав Иванович Радде. Смерть мне не страшна. Она сестра родная сна».

Добрая воля и энергия Радде были направлены на осуществление широкой программы всестороннего изучения Кавказа. Он писал: «Судьба мне улыбнулась: я отправился в Россию всего на шесть месяцев, а живу здесь уже шестой десяток лет, сделавшись верным и благодарным подданным моего нового отечества, уголок которого Кавказ стал мне второй дорогой и милой родиной. Все то, что пятьдесят лет тому назад дремало без всякого ухода еще только в зародыше, выросло, несмотря на бури и непогоду в развесистое дерево, в тени которого волнуется целое море воспоминаний».

Нинель МЕЛКАДЗЕ

Густав Радде. 1857

НЕЗАМЕНИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Гайка Сергеевича Гевеняна, заслуженного работника культуры Грузии, долгое время бывшего заместителем директора русского драматического театра имени А.С.Грибоедова, не забывают, хотя со дня его ухода из жизни прошло около тридцати лет... А как можно забыть человека, за которым прочно закрепилась репутация незаменимого? Люди, знавшие и любившие его (а таких много!), с ностальгией вспоминают то время, когда Гайк Сергеевич был жив-здоров и верно служил театру Грибоедова. Именно – служил. К сожалению, это слово уже утратило свое прежнее значение и актуальность, потому что подобных Гевеняну людей сегодня в общем-то очень мало. Ведь на смену служению пришли служба, работа, предполагающие выполнение обязанностей. Но Гайк Сергеевич не просто выполнял обязанности, он жил театром...

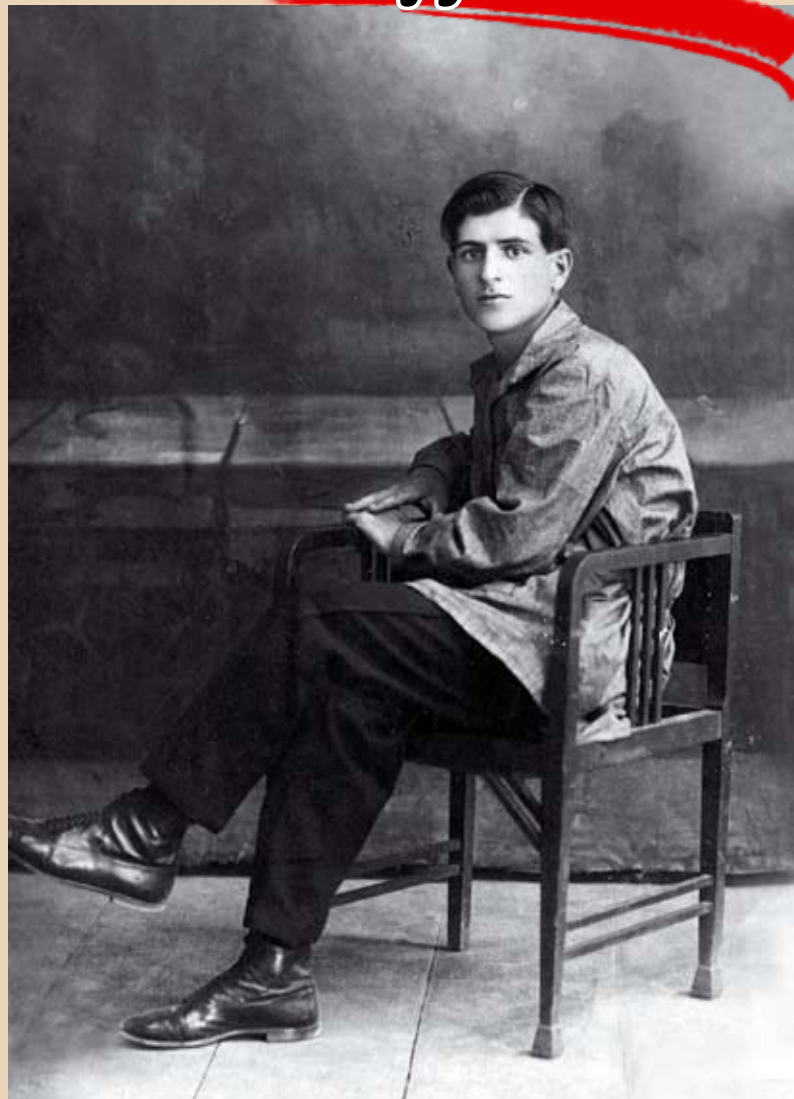
Когда человек покидает бранный мир, в его адрес принято говорить высокие слова. Но в отношении Гевеняна каждое высокое слово – правда. Он действительно был бесконечно предан театру, хорошо знал специфику театральной работы и отличался исключительной добросовестностью, оперативностью и четкостью.

Он родился в 1907 году, и уже в 28 лет начал работать в театре Грибоедова, сначала – техническим работником, потом – администратором. В 1942-м Гайк Сергеевич назначается главным администратором, а в 1960-м – заместителем директора театра.

О Гевеняне вспоминают те, кому он был дорог: близкие, коллеги.

Рафаэл Гевенян:

- Отец мечтал, чтобы я стал инженером-строителем, потому что у нас в роду все были инженерами. Но сыграл свою роль случай. Театр Грибоедова собирався на гастроли в Днепропетровск. А звукорежиссер вдруг ушел с работы, и возникла форс-мажорная ситуация. Главный администратор Рафаэл Михайло-

Гайк Гевенян

вич Мерабов предложил дирекции мою кандидатуру, ведь я видел все спектакли, и мне было легче сориентироваться, чем кому-либо другому. Я согласился. Помню изумление отца, когда я вышел из вагона в Днепропетровске! Так я остался в театре. Кстати, отец никогда не пытался влиять на меня. Он вообще был очень спокойный, уравновешенный человек, я ни разу не слышал от него громкого слова! Отец был мне близким другом.

Когда я осуществил музыкальное оформление нескольких спектаклей, отец поверил, что это мое дело, что радиотехника мне ближе, чем что-либо еще. И стал мне всячески помогать.

Впрочем он помогал всем, никому ни в чем не отказывал. Помню такой случай. Долгое время мы жили в одной комнате. И вот наконец нам выделили квартиру на Судебной улице. А в театре тогда работал молодой актер Леня Малов, живший вместе с семьей в полуподвальном помещении. У него заболел недавно родившийся сын. И папа уступил Лене Малову одну комнату. И так они жили по соседству с нами довольно долгое время, пока актер не получил квартиру.

В эпоху сплошного дефицита папа часто делал почти невозможные вещи: то привозил из Одессы строительные материалы для нового здания театра, то доставал бязь в Ташкенте, то еще что-то...

Отец беззаветно любил театр, и мама ревновала его к театру, упрекала в том, что он уделяет семье меньше внимания, чем следует... Правда, в конце концов она поняла, что с этим уже ничего не поделаешь: театр для моего отца – это жизнь! Ведь мама тоже была творческой натурой – любила театр, хорошо рисовала, шила. Теперь это называется «дизайнер-модельер». Ее услугами часто пользовалась Наталья Михайловна Бурмистрова.

Кроме работы, отец выполнял многочисленные личные просьбы: кому-то нужно было дефицитное лекарство раздобыть, кому-то – мебель. Все это было недоступно для простых людей, а он доставал...

У отца было много друзей, причем людей известных – так, он дружил с поэтом Иосифом Гришашвили. Папа вообще любил поэзию, знал ее. Почти все стихи Сильвы Капутикян помнил наизусть. Это была культурная среда, в которой люди по-настоящему любили театр, музыку, литературу, обсуждали прочитанное, делились впечатлениями...

Когда в Тбилиси приехал актер Иван Русинов, папа

готовил себя к очередному рабочему дню в театре. Приходил туда первым и последним уходил. Так он любил театр! Не всякий это может сегодня понять.

Папа очень хорошо танцевал как европейские, так и кавказские танцы. Его часто просили что-нибудь исполнить. Вне работы Гайк Сергеевич был компанейский человек, умел повеселиться.

В театр отец пришел сразу после армии и остался здесь навсегда. Ему предлагали перейти в Тбилисский армянский театр на должность директора, но папа отказался – не захотел оставить театр Грибоедова. Не соблазнился ни на звание, ни на должность, ни на машину. Константин Язонович Шах-Азизов официально приглашал его работать к себе, в Москву, в Центральный детский театр, но папа не согласился и на это предложение. Потом Константин Язонович говорил: «Я знал, что ты театр Грибоедова не бросишь! И все-таки надо было тебе приехать». Он очень любил моего отца. Если бы папа уехал, то, бесспорно, сделал бы карьеру.

Его ученик – Рафаэл Мерабов, ставший позднее директором Московского театра оперетты, секретарем Союза театральных деятелей СССР. Еще пример – Юра Амирханов, тоже переехавший в Москву и ставший заместителем директора Вахтанговского театра, а затем – директором Московского камерного музыкального театра под руководством Бориса Покровского.

Папа смотрел все спектакли Грибоедовского театра, причем не один раз. Естественно, у него всегда были свои замечания, пожелания... Так, он мечтал, чтобы в нашем театре поставили «Хануму» Цагарели. Его привлекал колорит этой пьесы. И вот, спустя столько лет, Авто Варсимашвили осуществил мечту моего отца, за что я ему очень благодарен.

Еще один красноречивый момент из прошлого грибоедовцев. В театре на каждом спектакле было организовано дежурство врачей, причем самых лучших, известных. Они проводили консультации. И это было нововведением моего отца.

Папа умел брать ответственность на себя. Расскажу одну историю. Однажды ему сообщили из театра, что с вокзала позвонил Алик Кухалеишвили, которого собирались вот-вот забрать в армию. Гайк Сергеевич сразу начал действовать, куда-то звонить. А вскоре поехал на вокзал. Алик уже был в поезде, в вагоне, и папа сказал ему: «Выходи!» Алик вышел в тамбур – дальше актера не пускал капитан, однако Гайк Сергеевич настоял, и Кухалеишвили все-таки покинул вагон. Капитан стал грозить: «Обоих арестуем!» Папа лишь отмахнулся: «Арестовывайте! Этот человек нужен мне в театре! Ты знаешь, что такое театр?» Впоследствии капитан стал большим поклонником театра Грибоедова.

Однажды в 1943 году в течение шести дней артисты возвращались после гастролей в Сочи, ехали в товарном поезде. Мне было всего десять лет, но я все хорошо помню. Занавесили вагон театральными коврами. Поставили кресла, диваны и отправились в долгий путь... С нами были художник Яша Кабаджан, композитор Беер... Папа держал ситуацию под контролем, и если бы не он, мы бы еще месяц оставались в дороге – шла война!..

Он помогал и Закавказскому военному округу, Дому офицеров, когда приезжали Клавдия Шуль-

Гайк Гвенян

познакомил его с поэзией Николоза Бараташвили. И он стал любимым поэтом Ивана Николаевича. Композиторы тоже посещали наш дом. А завсегдаями были артисты театра – Мюфке, Вяземский, Русинов...

Гайк Сергеевич уже в восемь часов утра был на ногах. Тщательно брился, причесывался, одевался -

Мери Гевенян-Точилина

женко, другие звезды эстрады – организовывал концерты...

Гига Лордкипанидзе:

- Настоящий администратор, человек, разбирающийся в театре, преданный своему делу. Я с большим уважением относился к нему. Хочу сказать и о его сыне, Рафике Гевеняне, тоже много лет отдавшем театру Грибоедова. Он обладает не только техническими умениями, но и музыкальными способностями.

Николай Свентицкий:

- Людей такой генерации, как Гайк Сергеевич Гевенян, сегодня просто не существует!

Тамара Белоусова:

- На Гайке Сергеевиче все держалось. Он был незаменимый человек в театре, нужный, ценный, настоящий театральный человек. Я очень его уважала.

Людмила Артемова-Мгебришвили:

- Золотой, любимый человек... Мой попутчик после каждого спектакля. Даже сейчас, спустя много лет, о нем вспоминают. Да, это была личность! Его знала и любила вся интеллигенция Тбилиси. Всегда спрашивали две вещи: как Наталья Михайловна Бурмистрова и Гайк Сергеевич Гевенян. Помню его жену – тетю Мери. Изумительная женщина с потрясающими глазами!

Михаил Амбросов:

- Помню, что в знаменитой записной книжке Гайка Сергеевича был даже телефон Аллы Борисовны Пугачевой... Сегодня говорят: продюсер, менеджер. В лице Гайка Сергеевича соединялось все! Он ни разу никому не отказал в просьбе. Все исполнялось им на самом высоком профессиональном уровне. Наверное, именно потому и его сын, Рафик Гевенян, столько лет служит театру! Гайк Сергеевич был особым человеком.

Валентина Воинова:

- При всей моей стеснительности со своими проблемами я бежала именно к нему. В трудную минуту он всегда был рядом и помогал. Я обожала Гайка! Всегда буду вспоминать его как самого близкого и родного мне в театре человека.

Гевеняна знали все в городе, он был всемогущим! К Гайку обращались с самыми разными просьбами, и он решал все проблемы – потому что у него были влиятельные друзья, которые любили его и не могли ему ни в чем отказать.

Виктория Марташова:

- Гайк Сергеевич был лицом Грибоедовского. Всегда перед спектаклем встречал зрителей у входа в театр – подтянутый, элегантный, одетый в темный костюм, белую сорочку и жилет. Когда мой отец ушел на фронт, Гайк Сергеевич предоставил мне возможность посещать спектакли театра, и я увидела для себя много интересного.

Гайоз Жордания:

- Гайк Гевенян был одним из последних могижан театрального дела, очень интересным человеком, великим менеджером построения спектакля, именно построения! Когда для постановки нужна была какая-то деталь, он обычно спрашивал: «А для чего это?» Его всегда интересовал также жанр будущего спектакля.

Помню, как мы работали над спектаклем «Синие кони на красной траве» М. Шатрова, и нам потребовался бюст Ленина. Учитывая ответственность задачи, решать ее взялся Гайк Сергеевич – «потому что Ленин!». «Бронзовый? Мраморный?» - допытывался. Сам отправился за бюстом и достал именно то, что было нужно.

Гевенян брал на себя самые трудные театральные задачи – изготовление сложного реквизита, декорации. Был очень обязательным - достаточно было сказать ему всего лишь один раз о том, что нужно, и к назначенному сроку все было на месте.

Гайк Сергеевич был точным, сильным организатором. Знал, на что зритель пойдет, а к чему останется равнодушным. И его прогноз оправдывался. Предпочитал, когда его лично просили о чем-то. И доставал нужную вещь хоть из-под земли...

Гевенян был очень общительным, остроумным человеком, обладал харизмой, буквально притягивал к себе окружающих. Помню, как навестил его в больнице, уже тяжело больного. На миг Гайк Сергеевич словно оживился, и мне было приятно, что доставил ему эту минутную радость.

Инна БЕЗИРГАНОВА

И ВСЕ КАК БУДТО НА ВЕКА

Не стало народного артиста России, заслуженного деятеля искусств РФ, лауреата Государственной премии РФ, культового режиссера целой эпохи Владимира Яковлевича Мотыля.

«В Одессе имеются многих таких вещей, которых не обладают других городов»

(«Женя, Женечка и Катюша», 1967)

«... Добрый день, веселая минутка. Здравствуйте, Катерина Матвеевна. На прошедшие превратности не печальтесь, видно, судьба моя такая. Однако ничего этого больше не предвидится, а потому спешу сообщить вам, что я жив, здоров, чего и вам желаю...»

«Не могу я больше эту проклятую икру есть! Надоела!»

«Ты как здесь оказался?» – «Стреляли ...»

(«Белое солнце пустыни», 1969)

«Бежал от французской революции, чтоб выдать дочь за русского заговорщика»

«Я счастлив, что два раза умираю за Отечество!»

(«Звезда пленительного счастья», 1975)

Все эти цитаты из фильмов Мотыля вошли в нашу жизнь. Бесповоротно. Навсегда.

Ранние годы его прошли на Урале, где по 58 статье отбывала ссылку мать.

Еще в детстве Мотыль влюбился в кино. Окончив актерский и исторический (заочно) факультеты Свердловского театрального института, уже в 27 лет Мотыль становится главным режиссером Свердловского театра юного зрителя. После открылся путь в желанный кинематограф – первой киноработой стал фильм «Дети Памира» на студии «Таджикфильм» (он работал внештатно). Уже тогда Владимир Мотыль вынашивает трагикомедию на военную тему. Прочитав повесть Булата Окуджавы «Будь здоров, школяр», Владимир Яковлевич встретился с ним и предложил написать сценарий совместно.

Булат Окуджава рассказывал, как происходило соавторство с Владимиром Мотылем: «Садись где-нибудь на скамеечке в каком-нибудь глухом парке и начинали рассказывать друг другу о своем герое все, что приходило в голову. При этом мы отчаянно хохотали. Но на бумаге получалось не смешно ... С каждым разом мы смеялись все меньше и меньше, а на бумаге, как ни странно, становилось все смешнее и смешнее».

Несколько раз сценарий «Жени, Женечки...» приостанавливали, в то время он явно расходился с угодными партии заказами. Сказалось участие Булата Шалвовича, к которому в высших инстанциях относились с большим подозрительным недоверием.

По признанию Мотыля, фильм «Женя, Женечка и Катюша» был первым запретом на профессию. Позже запреты участились. В своих интервью он не раз говорил, что ему не хватало той независимости, свободы и крепости духа, которыми обладали Сергей Параджанов и Андрей Тарковский. Возможно поэтому, его так подкупили качества Олега Даля. Тонкий и непредсказуемый, независимый и нестандартный, 26-летний Даль

Владимир Мотыль

как никто другой подходил на роль Евгения Колышкина, «вчерашнего школяра».

Этот фильм – полусказка, полуприписка на военную тему, грустный и смешной, как жизнь сама.

А после было солнце. «Белое солнце пустыни». Но и на него набегали тучи. Фильм консервировали на месяцы, урезали его бюджет, периодически кромсали отснятый материал. Шла речь о передаче фильма в руки другого режиссера по причине профнепригодности Мотыля. Но госпожа удача (возможно, в лице Леонида Ильича Брежнева, большого любителя вестернов) улыбнулась команде Владимира Яковлевича, фильм был выпущен на широкий экран страны.

Лишь в 1998 году Владимир Мотыль получил за этот фильм Государственную премию РФ.

Фильм называли советским боевиком, истерном (т.н. жанр «восточных» в противоположность вестернов («западных») приключенческих фильмов). Абсолютно верно одно: фильм стал истинно народным, а письма красноармейца Сухова стали классическим примером эпистолярного жанра.

Вспоминая о работе над фильмом, Мотыль признался, что он был «как бы исполнитель чьей-то воли» и ему «нерукотворно помогал Господь».

Кстати, рука судьбы удивительным образом сводила режиссера с «крестниками» Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Здесь работал до войны статистом Булат Окуджава, а с 1950 по 1957 годы блистал на сцене незабываемый Павел Луспекаев.

Наступил 1975 год. На экраны выходит фильм Владимира Мотыля «Звезда пленительного счастья». В тот период, как ни странно, он очень вписался во временные рамки и получил широкую огласку не только в СССР, но и за рубежом. Пушкинская строка, вынесенная в название фильма, пленительная музыка Исаака Шварца и стихи Булата Окуджавы, прекрасный актерский состав, операторская работа Дмитрия Месхиева, сценарий Владимира Мотыля и Олега Осетинского при участии Марка Захарова, объединенные рукой режиссера, – вот что объясняет ослепительный успех фильма.

Как круги на воде расходятся все шире и шире, так и большой талант покоряет людские сердца. Творчество Владимира Мотыля повлияло на сознание целого поколения. И оно не исчезнет. Покинув этот мир, мастер оставил за собой особый след. Это его бесценная лепта в мировой кинематограф.

Алена ДЕНЯГА

Armavia

Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM

